

18+ **ЕВГЕНИЯ СУЛТАНОВА-УС**

Сборник коротких романов «Тихие сады»

Евгения Султанова-Ус

**Сборник коротких
романов «Тихие сады»**

«Издательские решения»

Султанова-Ус Е.

Сборник коротких романов «Тихие сады» / Е. Султанова-Ус —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695268-3

Сборник коротких любовных романов. В сборник вошли такие произведения
как: «Тихие сады», «Юленька», «Луна. Несбывшиеся мечты».

ISBN 978-5-00-695268-3

© Султанова-Ус Е.
© Издательские решения

Содержание

Юленька	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сборник коротких романов «Тихие сады»

Евгения Султанова-Ус

© Евгения Султанова-Ус, 2026

ISBN 978-5-0069-5268-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юленька

*«Истинная любовь похожа на приведение: все о ней говорят,
но мало кто видел».*

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1

Летом я приехал погостить к старому другу, с которым меня некогда связывали дела. Мы давно не виделись, года три, и он был рад меня встретить снова, как и я его. Мы сохранили хорошие отношения, остались добрыми товарищами несмотря на разлуку и редкую переписку. Он был старше меня лет на десять, пятнадцать, но это не мешало нам водить некое подобие дружбы.

Его усадьба стояла чуть поодаль небольшого городка в Челябинской области, но относилась скорее к деревне «Истоки», что так же находилась рядом, а не к самому городу. Красивый, густой лес простирался за высокой оградой дома. Сад на территории усадьбы был изумительным, полным восхитительных плодовых, цветочных и травяных ароматов. Узкие аллеи, затенённые ветками рябины, вели на много метров вглубь. Редкие лучи солнца, проникавшие сквозь густые ветви и играющие в волосах жены моего доброго друга, помнились мне как сегодня.

Дом был старым, но построен добротнo, поэтому выглядел пусть и немного обшарпано, но всё же крепко. А вот фасад, недавно покрашенный, привлекал внимание своей новизной, двойные двери, по всей видимости, тоже сменили на новые. Дом был в два этажа. Я помнил, что на первом находился большой холл, гостиная, кухня и нечто на подобие библиотеки или кабинета, как угодно. Второй этаж насчитывал пять спален и одну большую террасу. Анистов любитель беседок, террас и веранд. Последняя стояла и перед домом. А малая терраса и на первом этаже была.

Я приехал к вечеру и большой дом встретил меня приветливыми огнями из окон и шумной ватагой деревенской ребятни, что промчалась мимо моей машины, и унеслась в лес, постепенно затихая вдали. Дети растут, и, как многие меня уверяют, растут очень быстро.

Мы с Анистовым сидели и курили у него на веранде, вспоминали былые времена и глупые истории, что приключались с нами, нетрезвыми, засиживавшимися иногда в каком-нибудь баре, когда во двор прямо-таки влетела резвая наездница на вороном скакуне в развевающемся на прохладном ветру чёрном плаще. Белый летний берет, не скрывал красивые светлые кудряшки, обрамляющие немного бледное (должно быть от быстрой езды), худенькое юное личико. Я был поражён той грацией, с которой двигалась девушка! Она легко спрыгнула с коня и отдала поводья конюху. Сняла берет и заткнула его за поясок брюк.

– Позволь представить мою племянницу, Юлию, – добродушно, но как-то немного сконфуженно проговорил Анистов, кивая на юную особу. – Она приехала несколько дней назад погостить на лето. Почти всю жизнь прожила в деревне. Детонька, подойди.

Девушка направилась к нам, а я осторожно разглядывал её, словно диковинку на базаре. Небольшого роста, вся такая беленькая, с косой до самого пояса. Удивительно женственное круглое личико, не испорченное веснушками, оно дышало молодостью и отменным здоровьем, а добрая открытая улыбка была не омрачена ещё никакими тяготами жизни или несчастными событиями. Стройная, точёная фигурка притягивала взгляд. Я отметил полные губы цвета спелой вишни и представил как касаюсь их большим пальцем руки...

Девушка остановилась в паре шагов и посмотрела на нас. Маленькие кудряшки, обрамляющие лицо, весело качнулись от движения головой.

– Юлия, это Алексей Громов, мой старый друг, познакомься.

Я вдруг подумал: «Любовь такой девушки – гордость для любого мужчины».

Для любого, но я не был любим. Я был горд тем, что сам влюблял в себя девушек, а ещё я дорожил своей свободой.

Я протянул девушке руку, и она подала свою узкую, тёплую ладошку. Мягкая, гладкая и такая маленькая её ручка мигом утонула в моей большой ладони. Её улыбка светилась сму-

щением, а озорные ямочки на щеках глядели на меня будто с вызовом, который я тотчас принял, широко улыбнувшись ей.

Она в смятии опустила взгляд и произнесла красивым мелодичным голосом:

– Здравствуйте.

Я снова заметил два непокорных белых кудрявых локона у её лица, и мне тут же захотелось дотронуться до них, убрать за ухо, будто ненароком коснувшись девичьей щеки.

– Здравствуйте, Юленька, – произнёс именно так я её имя. Так и не иначе, ибо по-другому оно для меня и не звучало. Она зарделась румянцем, бледность ушла совсем. Я увидел её теперь полутаинственную, полулукавую улыбку, которая так противоречиво смешалась с её смущением.

Мой друг, кажется, и не заметил моей вольности во взгляде и в таком близком обращении. С того дня я звал девушку Юленькой, и это нравилось ей безумно.

В тот же вечер мы впервые оказались наедине. Ужин закончился, и я вышел подышать на террасу, окна и дверь которой выходили в сад. Здесь, вдали от города, даже дышалось легче. Я, ярый путешественник и любитель больших, шумных городов, в таких местах чувствовал покой, который иногда и моей мятежной и извращённой душе был нужен. Собственно поэтому я и приехал к Анистову в гости: хотел отдохнуть перед тем как снова кинуться в омут с головой. Разве я знал, что ещё до поездки упаду в омут голубых пронзительных глаз!

Я не сразу заметил на террасе Юленьку. Она сидела на скамье тихо и в полу тени. Я прошёл к окну террасы и заглянул в сад. Солнце начало клониться за горизонт, раздавая последние лучи перед сном. Вечер всегда был моим любимым временем. Я вдохнул полной грудью прохладный воздух, в котором угадывались ароматы трав, деревьев и цветов. Здесь, повторюсь, дышалось легко, чистый воздух опьянял, не хуже крепкого вина. Почему-то эта вечерняя свежесть напомнила мне ароматы лесных ягод. Тут до леса рукой было подать, да и время как раз ягодное. Июль. Черника, голубика, ежевика созреет скоро... Я это знаю ещё с детства: родители часто ходили в лес за грибами, ягодами. Хоть сам я собирать не любил, но в лес с ними отправлялся.

– В лес стоит прогуляться завтра же, – решил я, проговорив вслух. И вот тут я уловил движение слева от меня. Оглянулся. Терраса озарилась тусклым светом. Наверное позаботились включить на ночь лампу на случай, если придёт кто посидеть в одиночестве и посмотреть на сад. Юленька смотрела на меня с лёгкой улыбкой на вишнёвых губах. Я покачал головой как бы осуждающе. Она опустила взгляд, поняв, что напугала меня.

– Правда дышится легко? – робко спросила Юленька, теребя край своей длинной юбки. Я заметил одну её особенность (что это особенность, выдающая её волнение, я понял чуть позже, а сейчас она просто меня позабавила): девушка поставила носки ботинок вместе и перебирала ими туда сюда. Это выглядело довольно комично, но я улыбку сдержал, лишь кивнул и ответил:

– Да. Здесь дышится легче и приятнее, особенно, если дышишь с кем-то рядом, – я внимательно глянул на неё, хотел посмотреть на эффект, который произведут мои слова.

Юленька подняла бровь и снова улыбку. Ямочки вновь бросили мне вызов. И вновь я его принял. Я сделал шаг по направлению к девушке, намереваясь сесть с ней рядом, но недалеко послышался резкий звук падающей кастрюли (кухня была совсем близко), Юленька вскочила, испугавшись, и, пробормотав что-то неясное, убежала с террасы.

Я пожал плечами, удивляясь её странной боязни и её поспешному уходу. Ещё с полчаса постоял на террасе, выкурив две сигареты и отправился в свою комнату, что располагалась на втором этаже. Соседская комната пустовала, а следующая принадлежала Анистову и его жене. Где находилась комната Юленьки, я не знал, но был уверен, что узнаю без труда в последующие дни.

Я сходил вымыться перед сном и, заведя будильник на телефоне, лег в мягкую необъятную кровать, накрывшись лёгким одеялом.

Я задумался над своей жизнью и характером. И то, и другое лично меня устраивало, чего не могу сказать о других. Родился я в небольшой деревне под Екатеринбургом. Позже мы с семьёй переехали в город Кыштым, что в Челябинской области. Я с детства знал, что не могу усидеть на месте. Мне всегда куда-то было надо! Когда подрос и был способен сам добраться в соседние города, то часто уезжал из дома и долго там не появлялся. А однажды я уехал и не вернулся совсем. Лишь изредка я пишу домой письма.

Где только я не был! Сначала исколесил всю Челябинскую область, потом выехал за её пределы. объездил половину страны. Потом приехал в Санкт-Петербург. Там сделал небольшую остановку в пару лет. Работал. Скопил денег и снова пустился в лихую дорогу. Но все мои путешествия по матушке по нашей России всегда заканчивались быстро и довольно резко. Каюсь, не отличаюсь экономией, а если учесть, что скопленного было не так уж и много, то вскоре я вновь вернулся к жизни, как я называл, «остановочной», потому что такая жизнь не предполагала путешествий.

Мне случилось познакомиться с работником журнала. Он, видя мои познания о России и её природе, пригласил меня работать к себе. Я с радостью согласился. Стал работать внештатным журналистом, а уже через год занял место моего знакомого, когда того уволили за непрофессионализм. Да, это было для него обидно, но раз встретившись у меня на пути – берегись. В особенности если мне дело нравится. Да и редактор получал больше обычного журналиста.

Жизнь текла своим чередом. Работа у меня была хорошая. Как раз тогда я познакомился с Анистовым, пришедшим к нам со своими стихами. Я стихи принял, мы с ним разговорились. А потом пошли кутить. Наши кутежи длились довольно долго. Больше трёх месяцев. Я даже побывал у него в усадьбе, попав в неприятную для меня историю, потом мы вернулись обратно. Он прожил в Санкт-Петербурге ещё пару недель, затем уехал домой, а я остался со своим журналом и печатал его стихи. Позже я так заскучал, что бросил очередную пассию, что пыталась навязать мне брак. Я и думать никогда не думал о браке. Я птица вольная. Мне свобода дороже всего.

Скука меня одолевала с каждым днём всё сильнее. Я не хотел ходить на работу, даже бриться стало мне лень. Казалось, ещё немного, и я брошусь с моста или удавлюсь у себя в квартире. Меня не интересовали больше ни статьи, ни стихи, ни рассказы, ни перспективные авторы, ни работа редактором. Я встретил однажды того самого приятеля, место которого занял. Он пытался пройти мимо меня, но я, выпив в тот вечер больше обыкновенного, зацепил его рукав о свою ладонь и потянул на себя.

– Стой, – сказал я. – Хочешь, верну тебе работу твою? Мне она наскучила.

Тот как-то равнодушно на меня посмотрел и сказал, что у него уже есть работа, что ему мои подачки не нужны. Не знаю зачем, но я полез в драку. И почти выиграл! Почти, потому что в самый решающий момент ноги подвели меня. Я рухнул на асфальт, промахнувшись и попав кулаком себе же в коленку. Мой бывший приятель пнул меня и сделал ноги. Я кое-как поднялся, крикнул ему в догонку, что он трус. Поплелся домой. Мне казалось, вот и всё, жизнь кончена, но именно в тот момент, вдруг, судьба повернулась ко мне лицом. Тогда я кинулся в порывы страстей человеческих и окончательно утонул в них.

Перевернувшись с боку на бок, я вновь подумал о Юленьке. Что она делает сейчас? Наверное, спит. Нужно обязательно прогуляться с нею по лесу завтра. Лесные прогулки среди чистого воздуха и зелёной листвы, поднимают настроение, настраивают на дружелюбный лад. Юленька, конечно, дружелюбна, но она так смущается, что невозможно с ней поговорить. А мне очень хочется с ней поговорить.

Странно, что Анистов никогда не упоминал о племяннице. Я и не думал, что у него в родственниках числится такая милая, невинная девушка, так сильно меня заинтересовавшая с первого же взгляда.

Я решил завтра же заслужить её доверие и расспросить Юленьку о её жизни.

Глянул на зашторенное окно, по которому бродили тени в этот поздний час. Мне показалось, что я вижу силуэт с распущенными волосами. В темноте я улыбнулся. То была игра моего заинтересованного воображения. Юленька. Как хорошо, что я приехал погостить к моему старому другу. Эти несколько недель будут интересными.

Глава 2

Местность, в которой жил Анистов, была довольно гористая. Горы опоясывали близлежащие деревеньки, сёла и небольшие города. Они лесными чащобами возвышались над равниной и полем, заполненным цветами в это время года. Несмотря на всю мою испорченность и нечистый дух мой, я любил природу. Новым утром, я встал очень рано, вышел на балкон, бывший в моей комнате и засмотрелся вдаль. Рассвет стремительно расползлся по горам, и постепенно стали видны зелёные холмы у подножия утёсов, поросшие тонкими берёзками и вечнозелёными соснами. Небо было безоблачно и ясно в этот ранний час. Солнце озарило скалы, утёсы, их зелёные вершины, а в одном из ущелий, что я мог видеть с моего места, заметны были клубы тумана. Я высунулся дальше в окно. Подул свежий ветерок и постепенно разогнал туман. Моё внимание вдруг привлекло движение у дома. Я увидел Юленьку. Она вышла из парадных дверей и медленно направилась в сторону леса.

Я, торопясь, вышел из дома вслед за ней. Телефон не взял, потому что в этом глухом краю, мало где ловила связь. Я хотел прогуляться по лесу, и для этого гаджеты мне были не нужны.

Тоненькая, стройная, прямо-таки воздушная, одетая в простое белое платье, а сверху в вязаный кардиган, Юленька шла, не замечая моих шагов позади себя. Она мягко ступала по дороге своей лёгкой походкой, а я следил за её движениями, не приближаясь, на расстоянии пяти-шести шагов. Вот она подняла руку и убрала прядку за ухо, поправила свой воротник, потом сильнее закуталась в тепло кофты. Утро выдалось довольно свежее, я и сам оделся теплее. Девушка вдруг нагнулась и сорвала травинку, потеревила её в пальцах. Во всех её движениях было столько грации, изящества и нежности, что она походила больше на городскую леди, чем на деревенскую девушку. И вместе с тем, она была проста и бесхитростна. Я понял это как только увидел её. И даже обманчиво лукавая улыбка не дала мне повода усомниться в моей правоте. Как в одной женщине могли уживаться столь разные черты? Столь противоположные?

Между тем мы уже оказались в лесу, и я решился с ней поравняться, выдать своё присутствие.

– Юленька! – позвал я издалека, чтобы не испугать её.

Она обернулась и потупила взор.

– Так рано не спите? – спросила она, когда я нагнал её.

– Захотелось пройтись по утреннему лесу. Свежо то как, а ароматы, согласитесь таких днём уже нет.

Она кивнула в знак согласия и её волосы, собранные в нетугую косу качнулись, хлестнув меня по плечу.

– Я часто гуляю здесь с тех пор как приехала. Иногда езжу на лошади.

– Как вчера.

– Да. Если пройти чуть дальше, будет избушка лесника.

– Давай дойдём до неё? – предложил я, переходя без спроса на «ты». Она, казалось, и не заметила этого.

– Лучше вот по этой тропке пройти. Другая заросла совсем.

Мы свернули на другую тропинку и пошли рука об руку, рядом. Я бессовестно разглядывал девушку, а она старалась спрятать свой взгляд, хотя я уверен, ей безумно хотелось меня рассмотреть как можно лучше. Я самоуверен, скрывать не буду. В порывах моих всегда запрятан смысл. Чаще всего корыстный. Корыстные цели постоянно преследуют меня. Или я их! Не важно. Когда я ушёл из журнала и кинулся в очередные кутежи и погряз в пороках, у меня тоже была корыстная цель – удовлетворить собственные потребности, желания и купаться в роскоши, конечно. У меня и сейчас была цель – добиться расположения прекрас-

ной моей новой знакомой, чтобы опять-таки удовлетворить свои низменные желания. Я честно себе в этом признаюсь. Не пытаюсь скрыться за благородными намерениями, ибо их у меня нет и в помине. А значит я герой, а не злодей. В какой-то степени. Пусть ей, этой милой девушке невдомёк, что я задумал, но зато себе я в этом признался. Я усмехнулся втихомолку. Хорош, молодчик! Хорош!

Мы прошли вглубь леса, туда, где стояла охотничья избушка. Избушка эта, впрочем, оказалась совершенно заброшенной. Передняя стенка её заросла диким плющом, а дверь оплели ещё какие-то незнакомые мне растения. Я не бывал здесь раньше, но Анистов рассказывал про эту избушку. Много лет назад, когда он был ещё мальчишкой (а лет ему уже не мало), здесь жила местная ведьма, и к ней со всей округе ходили мужики да бабы, погадать или травы какие приобрести... Потом предприятие ведьмы захирело, народа ходить стало меньше, она уехала, а избушку использовали приезжие охотники. Да и те давно не заходили сюда. И мне не понятно, почему эту избушку называют избушкой лесника. Ведь лесника здесь никогда не было. Чудачество, не иначе.

– Красивый ручей, – услышал я нежный голос моей спутницы и отвлекся от своих мыслей. – И такой чистый, что можно даже напиться из него.

Я улыбнулся. Напиться, пожалуй, и правда можно из этого ручья. Вода искрилась на солнце, была такой прозрачной, что все камушки, даже самые мелкие, и песок на дне, были видны.

Юленька отошла от избушки и направилась к ручью. Он был совсем рядом. Я последовал за девушкой. Наблюдал как она присела на корточки и склонилась ближе к воде. Моя спутница мило сложила маленькие ладошки и зачерпнула немного воды из ручья. Я видел как капли стекали по её коже, исчезая под рукавом, который она немного засучила вверх. Её губы коснулись воды, а я представил как они касаются меня. Даже на мгновение закрыл глаза, но открыл вновь, чтобы видеть дальше. Я пожалел в этот момент, что не взял с собой телефон. С удовольствием сфотографировал бы Юленьку на память. Но ещё успеется.

– Холодная, – Юленька улыбнулась и поморщилась, но отпила ещё глоток и ещё. – Но такая вкусная. Идите, попробуйте, Алексей.

Как красиво и мило звучало моё имя из её сладких уст! Век бы слушал. Но века у меня нет. Лишь несколько недель.

Я не мог ей отказать. Приблизился и опустился рядом. Она ждала, смотрела на меня смущённо. Я зачерпнул воды и сделал большой глоток. Вздрыгнул от холода. Ну и ледяная водица! Резко качнул головой.

– Вот это да! Сроду не пил ничего вкуснее.

Юленька засмеялась, не веря мне. Она вдруг качнулась в сторону и я понял, что упадёт в воду, если не успею её поймать. Стремительно вытянул руку и схватил её за талию. Она испугано глянула на меня и ухватилась за мою руку выше локтя, крепко вцепившись в неё. Мы замерли на несколько секунд, пристально смотря друг на друга. Её голубые глаза смотрели боязливо, мои зелёные – похотливо. Вряд ли она поняла истинный смысл, таящийся в глубине моих глаз. Боязнь вдруг сменилась заинтересованным, но в тоже время смущённым взглядом. Она мягко отодвинулась от меня, а я не стал её задерживать дольше, чем было нужно. Не хотел напугать.

– Я такая неуклюжая, – виновато пробормотала Юленька, поднимаясь на ноги. – Дёрнул меня чёрт посмеяться над Вами.

– Ничего. Смейся сколько угодно. Твой смех мне слышать приятно, – уверил я её, но она ещё несколько минут извинялась и обвиняла себя в нерасторопности.

Побродив немного по лесу и послушав пение птиц, которое так любила, с её же слов, Юленька, мы решили вернуться домой. Уже должны были подавать завтрак.

– После завтрака можем погулять ещё по саду или посидеть и поговорить в гостиной, – предложил я. Юленька немного робко посмотрела на меня и произнесла:

– Вы ведь к дядюшке приехали, он обидится, если будете водить беседы со мной, а не с ним.

Мне было всё равно, обидится Анистов или нет. Какое мне дело до его обид, когда рядом прекрасная речная нимфа. Я криво усмехнулся своим возвышенным мыслям. Раньше я так не думал. А со вчерашнего вечера думаю постоянно так, будто в меня поэт вселился.

– Я успею и с ним наобщаться.

– Он сегодня после обеда уедет на пару дней. В город. У него там дела.

Я ликовал. Смогу остаться с Юленькой вдвоём. Что может быть интересней и удачливей?!

В этот момент из дома вышла жена Анистова и пристально поглядела на меня. Вчера её не видел. Мне сказали, что она приболела и весь день и вечер провела в постели. Сейчас, когда я снова увидел её, воспоминания неприятно кольнули где-то в области печёнки. Именно с госпожой Анистовой у меня и приключилась нехорошая история в прошлый визит.

– Здравствуй, Алексей, – произнесла громко и чётко Ада Валерьевна, сверля меня недобрым взглядом. А затем перевела взгляд на родственницу и поморщилась будто зуб у неё разболелся. Ада Валерьевна, я же называл её просто Адой, была высокой, статной женщиной лет сорока пяти. Весь её облик походил на прежних дворянок или, если сказать современным языком, она выглядела как аристократка. Красивая, самовлюбленная особа, горделивая, но влюбчивая. И она до отвращения была обидчивой женщиной. Рыжие её пряди выдавали дерзкий, смелый и бесшабашный характер, изогнутые брови, большие серые глаза, прекрасная фигура, притягивали взгляды мужчин. В юности, я уверен, она разбила немало сердец. Теперь она сохранила былую красоту, но свежесть её была уже не та. Я под её чары не попал, но откровенные взгляды, что она бросала на меня, молчаливое предложение и обещания, зажгли во мне когда-то яркую искру, которая, впрочем, быстро угасла, не оставив в моей порочной душе и следа. Я без раздумий уехал домой три года назад после нашего коротенького романа, о котором Анистов, конечно, был не в курсе. Она же сохранила обиду и наверняка лелеяла её все эти годы, в тайне желая новой встречи. И вот она состоялась. Я и не думал об Аде, направляясь к приятелю.

– Добрый день, Ада Валерьевна, – вежливо поздоровался я и повернулся к Юленьке. Лицо девушки выражало такую тревогу, и стало так бледно, что мне показалось она потеряет сознание, не дойдя даже до веранды. Ада не любила родственницу. Это я понял сразу же.

– Как же я рада видеть тебя снова! Завтрак на столе, прошу, – жестом она пригласила меня внутрь. Я пошёл, жалея, что не могу подать руку Юленьке, чтобы та не упала в обморок. Девушка шла позади нас так тихо, что и шагов не было слышно. Лишь тонкий аромат жасмина дал мне понять, что она почти рядом. Но на расстоянии.

За завтраком Юленька мало участвовала в разговоре, она была задумчива и говорила разве что из учтивости, отдаваясь каким-то своим меланхолическим думам. А после она, кивнув нам головой, удалилась к себе. Мой знакомец продолжал разговор, даже не замечая, что я его не слушаю. Я упустил нить беседы после ухода Юленьки.

Когда завтрак был окончен, Анистов пошёл собрать свои вещи в поездку. Он предложил поехать с ним, но я отказался, ссылаясь на нежелание показываться в городе. Я остался наедине с Адой, которая всё время нашего пребывания за столом сверлила меня острым взглядом. Как только мы остались вдвоём, она подошла ко мне и села на стул у окна, где я стоял. На её лице блуждала довольная улыбка, словно она кошка, наевшаяся сметаны. Недовольство, которым она меня встретила, ушло как-то очень уж быстро. Что она себе напридумывала, я не знаю, но это явно не то, о чём думал я. Я с ней дел никаких, решительно никаких иметь снова не собирался.

– Давно я тебя не видела, ты стал ещё красивее, притягательнее. Жаль, что мне придется ехать с НИМ! Я бы лучше здесь осталась теперь. Да отговорки не подействуют. Давно уже всё решено об этой поездке. Я должна быть с ним рядом! Совершенно не хочется. Но наше дело решить надо.

Что это за дело такое, интересно.

Ада поерзала на стуле, призывно улыбаясь мне. До того она мне была противна, что захотелось сбежать из столовой тотчас. Но развратная моя душа не желала оставить эту женщину в сомнениях. Мне необходимо было позлорадствовать. И поставить её на место. Я упёрся в спинку стула, нависая над ней и представил рядом с этой женщиной Юленьку.

Я часто поддавался соблазнам, сердце моё было развращено большими городами и тем, что они могли дать. Я был рабом порока к своим тридцати годам, и никакая сила воли не свергла бы моего рабства. Вместе с тем, я преклонялся перед женской красотой, но ни разу в жизни не встречал такую чистую, простую, ненавязчивую красоту, которую увидел в Юленьке. Пусть для многих это звучит банально или пошло, но она словно ангел, сошедший с небес. Таких милых особ не встретишь в современных мегаполисах, только в глуши они и остались.

Глядя в дерзкие серые глаза Ады, я понял, что она больше не соблазн для меня. Несмотря на все мысли мои о Юленьке, не ворвись эта девушка в мою жизнь так резко и стремительно, я бы не стал тратить время на Аду Валерьевну. Я бы не осчастливил её снова своим вниманием.

Женщина, чувствуя мою близость, закусила губу. Она думала, я принял её новую игру? Думала, что поцелую и скажу «не уезжай».

– Приятной дороги, Ада Валерьевна, – сказал я и отошёл от неё.

Улыбка женщины померкла, лицо потемнело. Ада была оскорблена. Она вскочила со стула и с прищуром посмотрела на меня.

– Я думала ты ко мне приехал, – голос был уже не таким милым и слащавым. В нём звучал упрёк.

– Я приехал к Вашему мужу, – коротко ответил я.

Ада сделала шаг ко мне и прошипела:

– Я ведь вернусь через пару дней. И уверена, ты будешь тут. Вот тогда посмотрим, что будет дальше. Ты положил глаз на эту дурочку? Думаешь она милашка, красавица, деревенская умница! Если бы ты знал, что на самом деле она... она здесь... чтобы...

Женщина вдруг осеклась, явно чуть не сказав мне лишнего. Я насторожился. Ада была не умной женщиной, но и не дурой. Вот интересно, что же она хотела сказать.

– До встречи, господин Громов.

Она быстро покинула комнату, оставив меня в раздумьях. Я решил поговорить с Юленькой и выяснить истинную причину её приезда к своему дяди. Но у меня вдруг возник ещё один вопрос: знает ли сама Юленька почему находится здесь.

Глава 3

Весь день стояла духота, но к вечеру начался дождь, освежая воздух, придавая лесам и горам ярко-зелёную окраску, которая так веселит глаз. Дождевые капли дрожали на листьях, сверкали в золотистых лучах заходящего солнца, воздух наполнился свежими ароматами трав, цветов, самой земли. Благоухания сада привели меня в небольшую беседку в самом его дальнем уголке.

После обеда я видел как Анистов с женой уехали из дома. Только тогда я вышел из своей комнаты, чтобы пройтись по дому. Я искал спальню Юленьки. Знаю, это неприлично, но о каких приличиях я могу рассуждать, когда столько пороков висит на моём сердце. Несмотря на то, что я обошёл весь первый и второй этаж, комнату девушки я не нашёл. Спальни на втором были заперты, а на первом была лишь одна спальня горничной. Кухарка приходила из деревни.

Придя на кухню попросить сделать мне чашку кофе, я разговорился с кухаркой. Полная, розовощекая, словоохотливая, весёлая женщина с радостью налила мне крепкого кофе и поставила на стол целую тарелку свежее испеченных булок с сахаром. Я с удовольствием уплёл парочку. Анфиса, кухарка, рассказала мне много интересных вещей о доме Анистова, которые он никогда бы мне не рассказал сам. Я считал Сергея Анистова, в отличие от самого себя, порядочным, честным человеком, лишь иногда отступающим от правил. Например, очень не часто он мог поддаваться пьянству. Но позже завязывал так крепко, что ничем не развяжешь. Сергей содержал свою красивую усадьбу в должном порядке и я всегда думал, что он довольно богат, раз имеет такой прекрасный дом и небольшую конюшню. Он продавал лошадей время от времени, занимался домашним хозяйством (имелись у него и куры, и утки, и овцы), этим и жил. Ада же не помогала ему в ведении хозяйства, всё больше сидела у себя в комнате перед зеркалом и любовалась на свою красоту. Но муж на Аду не сердился. Думаю, он её любил. Сам от природы не красавец, невысокого роста, но довольно коренастый. Лицо у него немного вытянуто, нос с горбинкой и очень большой, а глаза наоборот маленькие, близко посаженные к переносице. На ум приходит слово носач. Не лестное сравнение. Рядом Ада и Сергей смотрелись смешно. Но гордая Ада позарилась на деньги Анистова. Что ж, деньги делают невозможное возможным.

В хозяйстве Сергею помогала именно Анфиса. Горничная прибирала дом, следила за чистотой.

– Дом наш почти разорён! – всплеснула руками Анфиса и покачала головой. – Ада Валерьевна, полгода назад ездила в город большой, да и проиграла всё в карты. И даже дом заложила. Бес её попутал, окаянную. Всегда не чиста на руку была. А тут письмо Сергею Марковичу пришло, что сирота-то наша, Юлия, наследство имеет. И уже через несколько недель приехала девчушка. Ой, не знаю, может и не потеряем дом. Так дом терять не хочется. И скотину! Хорошая такая девчушка, Юлия-то. Добрая, милая.

– Она немного странная? Как Вы считаете? – спросил я невзначай. Я не думал об этом сознательно, но видимо в подсознании такая мысль витала.

Анфиса пожала плечами:

– Да, наверное.

В глазах её я увидел оттенок подозрения.

– Но это не моё дело. Так дом терять не хочется, так не хочется!

Она сокрушалась еще несколько минут, а потом погрузилась в чистку посуды. Я быстро допил кофе и встал из-за стола.

– Спасибо за кофе, Анфиса.

Она лишь кивнула, погруженная в свои мысли и не заметила моего ухода. Я ещё раз обошёл дом и сел на веранде, поджидая, когда Юленька выйдет прогуляться. Её не было. Я совсем заскучал. Дело клонилось к вечеру. Я прогулялся по двору и направился в сад.

Просидел в беседке около часа, глядя на стекающие с крыши капли. В голове крутились неприятные мысли. Я думал о разговоре с кухаркой, и её слова никак не шли у меня из головы. Я не знал, конечно, что Юленька сирота. Но я и о ней узнал только вчера. Если она приехала, чтобы помочь дяде, это благородно с её стороны. Не каждый поделится наследством с родственниками. Я бы не поделился. Ну, я и не поделился. Я усмехнулся. Да, но Юленька не такая как я. Она добрая, чистая, непорочная. Такая запросто всё отдаст и не пожалеет.

Эти мысли приходили ко мне в голову пока я сидел в беседке. Скука. Но как же здесь красиво! Вечер вступил в свои права полностью. Я любовался прекрасным садом Анистова. Выглянул из беседки и рассматривал целые гряды разных цветов: пионы, эustoma, похожая на маленькие розочки, анютины глазки, садовые ранние лилии и Бог знает ещё какие красавцы смотрели на меня снизу, качая головами на ветру. Я увидел калитку, что вела в лес. Значит из сада тоже можно покинуть дом. Причём незаметно. Я простер взгляд дальше и увидел её, наконец. Юленька медленно шагала по одной из дорожек, по пути срывая цветы и составляла из них букет. Я замер на несколько мгновений, любуясь её чарующей изящной походкой, а потом встрепенулся и выбежал из беседки, боясь не успеть догнать её. Неуловимая Юленька была так погружена в свои мысли, что не заметила моего приближения. Когда она услышала шаги позади себя, то вздрогнула и обернулась.

– Это Вы... – рассеянно, будто её занимали какие-то свои глубокие мысли, проговорила она, останавливаясь и крепко прижимая к груди яркий солнечный букет из бархатцев, бархоток и жёлтых лилий с коротенькими стеблями. Будто я хочу их отобрать у неё, а она их защищает. Это было забавно, но я остался серьёзен.

– Да, я сидел в беседке и увидел тебя, – поспешил объясниться, глядя на её вишнёвые губы. Она заметила мой взгляд и отвернулась в смущении.

Двинулась вперёд. Я за ней. Мы зашли в дом со стороны сада и Юленька поставила цветы в уже приготовленную вазу.

– Хотите я для Вас сыграю? – предложила она, садясь за фортепиано. Я подумал, что она очень странно выглядит в этом доме. Я больше представлял её в небольшом простом домике с печкой, баней и с вышиванием в руках. Было необычно для меня вдруг увидеть образ деревенской девушки, и Юленька отлично в него вписалась.

– Да, – коротко ответил я, облокотившись о фортепиано. Юленька и сама странная: всегда задумчивая, тихая, боязливая. И этот её взгляд, будто туманный, будто сверкающий, будто совсем неземной. Она словно не от мира сего! Я же говорю, ангел сошедший с небес.

Девушка прошлась по клавишам нежной рукой и под её маленькими тонкими пальчиками заиграла прекрасная, но печальная мелодия. Я слушал и представлял ночной лес, луну, ярко освещающую крепкий, высокий дуб, под которым сидит девица и горько плачет о том, что её бросил возлюбленный. Я сентиментален, несмотря на чёрную душу. Взглянул на Юленьку. Девушка закрыла глаза и играла мелодию на память, полностью ей отдаваясь. Она показалась мне сейчас такой недосыгаемой, неприступной, что мне стало не по себе. Для меня не было преград никогда. И я всегда получал то, что мне хотелось. Но вдруг в этот раз я ошибаюсь? Я ещё пристальнее стал смотреть в одухотворённое лицо девушки, мысленно к ней обращаясь. Открой глаза, Юленька, и посмотри на меня! Но мелодия вдруг оборвалась. Юленька открыла глаза и глянула в окно, а не на меня. Озадаченный её вид на этот раз смутил меня. Я будто сделал что-то не так. Она избегала смотреть в мои глаза. О, нет, я не телепат. Чувств собачья. Я усмехнулся дурацким мыслям. Но что же так растревожило девушку?

Юленька между тем повернула ко мне своё лицо и спросила:

– Вы считаете, что я странная?

Я сразу понял, что Анфиса передала наш разговор на кухне Юленьке. Да, язык у кухарки без костей. Я это понял уже, когда она про Анистова и его жену мне без обиняков рассказала.

– Моя странность в том, что я воспитана по-другому, в отличие от многих девушек моего возраста. – Я предположил, что Юленьке не больше восемнадцати. – Я выросла среди лесов и озёр, а не городской суеты. Я слушаю пение птиц, а не радио. Я не смотрю телевизор, предпочитаю прогулки по саду вечеринкам в клубе. И я люблю играть на фортепиано, сидя дома, а не проводить время с сомнительными друзьями на тех же вечеринках.

Она наиграла ещё одну красивую мелодию, но теперь уже быстрою, и я наблюдал как легко её тоненькие пальчики скользят по клавишам, оставляя восхитительные звуки от своих прикосновений.

– Но Вы тоже странный, – тихо сказала она, когда последний звук мелодии затих в комнате.

– Отчего же? – удивился я, ведь решительно ничего странного во мне не было. Я обычный лентяй, простой путешественник и как это говорили раньше повеса, а теперь бабник. Порочный и испорченный, но обычный.

– Вы слишком красивы, – робко ответила она, не глядя на меня, но глядя лишь на свои изящные пальцы, лежащие на клавишах неподвижно теперь.

– И в этом моя странность? Но это же смешно.

Она вскинула свою светлую головку и мотнула кудряшками.

– Именно, именно! И это отнюдь не смешно. Как можно быть до странности таким красивым, у меня не укладывается это в голове. Ваш взгляд полон решимости, жизни, выражение лица смелое, а в глубине глаз что-то дерзкое и тоже до безумия смелое. Вы и сами не понимаете всей своей красоты, господин Громов. И это тоже странно. Ведь наверняка я не первая, кто говорит Вам о Вашей внешности.

Она с таким жаром и убеждением произнесла эту тираду, что я невольно улыбнулся. Уверила себя, что до странности красив. Разве это не чудно?! Такой наивности и искренности я уже давно не встречал на своём жизненном пути, а повидал я достаточно много разного... Низменные пороки населяют этот мир, и я сталкивался с ними (разными по содержанию, но в сущности пороками и являющимися) да и сам не раз переступал черту. С такой точки зрения я не герой, а скорее злодей. Плохие поступки оставляют след на внешности. И след этот явно не хороший. Вряд ли я являюсь исключением.

– Вы как герой романа, мистер Громов. В Вас всё, что есть в них.

Как же она ошибалась. Милая, молодая девушка, выросшая среди лесов и озёр.

– Расскажи мне свою историю, Юленька, – попросил я, чуть придвинувшись, и в конце концов опустился рядом с ней на соседний стул. – Расскажи о своей жизни.

Она немного отстранилась, боясь, такой близости между нами и удивленно посмотрела на меня:

– Вам интересна история моей жизни?

– Да, почему нет? Ты мне интересна и твоя жизнь тоже.

– Мы так мало знакомы...

Что с того, что мы мало знакомы? Можно же познакомиться ближе. Я этого хочу, да и она, уверен тоже, хоть и смущается. Я припомнил сейчас одну историю из моей жизни. Произошла она ещё, когда я не работал даже в журнале. Мне встретилась одна особа, которая тоже смущалась. Но смущение её было лишь уловкой, чтобы заманить меня в свои сети. Я сразу её ложь распознал. А на утро ушел, не прощаясь. Так вот в Юленьке я разгадал искреннее смущение. Она не понимала, чем меня, городского, могла заинтересовать девушка, всю жизнь прожившая в сельской местности. А между тем, такие девушки действительно более привлекательны для некоторых, чем городские испорченные дамы. Вот Ада, например, в прошлом жила в городе, пользуясь всеми его дарами, она привлекла меня лишь на короткое время, а затем интерес

пропал. Ищи свищи, не доищешься. Как будет с Юленькой, я пока не знал. Но интерес у меня к ней воспылал со всей страстью. Надолго ли? Кто знает...

– Я хочу узнать тебя. Что в этом плохого?

Она пожала плечами. Светлые кудряшки прыгнули, а ямочки снова бросили мне вызов. Я заметил, что этой девушке идет как коса, так кудри. Она очень мила! И опять она перебирала ковер носками туфель. Нервничала, волновалась.

– Ну хорошо. Как уже сказала, родилась и прожила в деревне до семнадцати лет. А потом...

Она осеклась, зарывшись в какие-то свои, судя по грустному выражению лица, совсем не веселые мысли. Я молча ждал.

– Мои родители часто ездили в город, продавать мясо, овощи, саженцы, рассаду и многое другое. Я всегда с нетерпением ждала их, а иногда ездила с ними. Но в прошлом году я не поехала на ярмарку. Родителей долго не было. Через два дня приехал полицейский и сказал, что моих родителей обокрали и убили, – она рассказывала жуткую историю стойко, без единой слезинки, но я видел как боль отразилась в её прекрасных искренних голубых глазах. – Убийц до сих пор не нашли. Меня отправили сначала в приют, но затем я оказалась... Нет, это неважно.

– Подожди, – я перебил её ненароком. – А как дядя? Почему он не стал твоим опекуном до совершеннолетия? Почему не забрал к себе?

Юленька вновь прошла пальчиками по клавишам.

– Я не знаю. Дядя Сережа мало общался с моим отцом, его братом. Ему сообщили о его смерти, предлагали взять надо мной опеку, но он отказался.

Ну Анистов! Что ж ты отказался принять сиротку тогда, а сейчас она вдруг оказалась у тебя в гостях? Мне это показалось очень интересным. Я спросил:

– Юленька, а ты приехала, чтобы помочь дяде, так? У него финансовые трудности, как я знаю, а у тебя есть способ эти трудности разрешить, – без обиняков брякнул я. Совершенно беспардонно и даже нагло с моей стороны делать такие заявления. Вернее лезть не в свои дела. Но я тактом не отличался никогда, поэтому мне было всё равно, что люди думают о моей прямоте.

Юленька спрятала свои ручки в карманы платья и чуть приоткрыв свой красивый ротик в немом удивлении посмотрела на меня. Я понял: она ни сном, ни духом не была в курсе событий, что происходили в доме Анистова.

– Я приехала потому что дядя позвал меня в гости, извиняясь за поспешное решение в прошлом году. Он сказал, что хотел бы загладить свою вину и понимает обиду, нанесённую мне. И я приехала, ведь он единственный мой родственник.

Святая простота! Она совершенно наивно полагает, что Анистов просто позвал её в гости! Но я скептически отношусь к такому простодушному суждению. Да, Анистов не был никогда злодеем в классическом смысле этого слова, но в ситуации, подобной той, в которой оказался мой старый друг, пойдёшь на любые уловки, чтобы отлегло от сами понимаете чего. И я уверен, что прав. Да, я испорченный человек и часто в других вижу гнильцу. И даже бывает ошибаюсь. Но вряд ли в этой ситуации я не прав. Анистов хочет уговорить племянницу поделиться наследством её родителей и именно для этого Юленька здесь. Пусть сама и не подозревает об этом.

Я кивнул, сделал вид, что понимаю её. Но на самом деле, это она совершенно не понимала ничего. Но на этом всё не кончилось.

Глава 4

Как-то в прошлом, когда я путешествовал по Челябинской области и был ещё совсем юнцом, я встретил девушку. Она была старше меня года на три и отличалась яркой, прекрасной внешностью от других девушек её возраста и не только. Её звали Асей. Девушка влюбилась в меня, и она мне нравилась. Семья у неё была довольно богатая, но их порок или лучше сказать слабость была в том, что они считали себя много выше других. Асю хотели выдать замуж как это делается у очень богатых людей. По расчёту, а не по любви. Ася бунтовала против такого взгляда на брак и сбежала из дома. Но она всегда возвращалась, ведь, чтобы уехать куда-то далеко нужны деньги. А их у Аси не было. Вот в один такой вечер, когда она в очередной раз сбежала от своих родителей, я и познакомился с ней. Она была наивной, хоть и городской, и после недели пребывания вместе уже говорила о том, что мне нужно познакомиться с её родителями. Она сокрушалась, что они не позволят нам быть вместе, ведь я беден как церковная мышь, а им подавай богатого жениха. Мы решили позабавиться над её родителями и выдать меня за богача. В ту пору у меня были деньги, не огромные, конечно, но хватило на приличный костюм, причёску и туфли. Автомобиль я взял напрокат. Черный джип безошибочно даёт людям понять, что человек, сидящий за рулём, серьезный тип, а не клоун какой-нибудь. Мы с Асей сговорились, и она пригласила меня в гости. Вечер прошел в приятной, непринуждённой обстановке, Асины родители мне поверили. А я наплел с три короба. К концу ужина я был желанным гостем в их доме, и видел какими взглядами, полными надежд, обменивались мама и папа девушки. Я около двух недель ходил к ним в гости, пользовался их гостеприимством и всем, что мне предлагали. А когда дело дошло до чего-то серьезного, то признался в своём обмане. Родители Аси были в шоке, сама Ася смеялась над ними. И вдруг отцу девушки стало плохо. Он схватился за сердце и сполз по стене. Он умер от сердечного приступа в тот же вечер. Его не спасли. Ася рыдала у меня на плече, а её мама хотела дочь прогнать. Тогда Ася обратилась ко мне с вопросом, что ей делать? Я, человек, который ни к кому и ни к чему не привязан ответил, что ей придется быть для мамы опорой теперь и забыть о любовных похождениях. После этого я простился с ней, сказав:

– Я понял, что ты меня не любила, что ты любила мысль – отомстить родителям любой ценой за их отношения к твоим чувствам.

Я ушел, оставив её сидеть на больничном стуле у кровати матери, которой вдруг стало плохо. Больше я о ней ничего не слышал.

Вспомнил эту историю и горько усмехнулся. Ася, конечно, не была похожа на Юленьку, но та же наивность присуща ей. Ведь она и правда наивно полагала, что её маленький обман (а придумала его именно она), не сделает ничего плохого. Обман привел к трагедии. Я её бросил, потому что мне она была не нужна. А с грузом такой ответственности, который у неё возник из-за нашей шалости (ухаживать на больной матерью, прикованной к кровати) и подавно. Меня манил мир, а не сидение у кровати больной женщины.

Юленька спорила со мной, что дядя Серёжа не стал бы вызывать её для того, чтобы просить оплатить его долги. Мы весь вечер говорили об этом. Вот она, искренняя наивность и вера в доброту, честность людей. Юленька была уверена, что у дяди просто разыграла совесть. Я не стал больше спорить в тот вечер и отправился отдыхать.

Половину ночи слушал как по крыше стучит дождь. Небо пролило много слёз в ту ночь, но по ком были эти слёзы, мне неизвестно.

Из-за большого количества осадков, на лес и деревню опустился туман. Настолько густой, что и на несколько метров не было видно дороги. Я решил в тот день никуда не выходить из дома, а поселиться в библиотеке-кабинете с какой-нибудь книгой. Я люблю читать, с детства. И хотя дома меня можно было видеть редко, но в те минуты и немногие часы, я умуд-

рялся прочесть что-нибудь. «Зов предков», Джека Лондона, одна из моих любимых. Я нашел её в библиотеке Анистова и удобно устроился в глубоком старом кресле, так, что меня и видно не было, если зайти в библиотеку и не приглядываться. Вдобавок из-за пасмурной погоды, комната находилась в полутьме, лишь одна лампа горела, давая мне свет для чтения, да и та была далековато, чтобы освещать мою фигуру.

Я уже сильно углубился в чтение, когда напольные часы стали бить шесть вечера. После этого дверь отворилась. Я увидел милое личико Юленьки, которая тихо вошла в комнату, держа в руках вазу со свежими, мокрыми цветами. По её светлым косам стекала вода.

В этот день я её ещё не встречал, и мне было радостно лицезреть её. Я не стал выдавать пока своё присутствие, решив понаблюдать за ней со стороны. Снова.

Девушка двигалась по комнате так бесшумно, что если бы не скрип двери, то я и не узнал бы, что она вошла. Юленька аккуратно поставила вазу с цветами на тумбу и поправила их: мягкие движения, очень бережные и заботливые выдавали в ней любительницу прекрасного, ведь цветы – это прекрасно. Она улыбнулась, я бы даже сказал по-детски каким-то своим мыслям, и повернулась лицом к окну. Несколько мягких движений (она прошла мимо меня, а я наблюдал, затаив дыхание) и Юленька встала у окна. Я боялся теперь выдать своё присутствие, потому что мог напугать эту милую девушку. Но очень не хотел, чтобы она в испуге ринулась к двери и скрылась от меня. В моих намерениях было дождаться пока она выйдет из библиотеки, а уж потом по пути догнать её и поговорить. Но моим намерениям не суждено было сбыться. То ли пыли в библиотеке оказалось чересчур много, то ли пыльца от цветов сыграла со мной злую шутку, но я чихнул и Юленька, вздрогнув, быстро обернулась, расширив в удивлении глаза. Я видел её первый порыв, когда она поняла, что я наблюдал за ней: она отошла в сторону от меня, намереваясь сбежать, как я и предполагал. Но я вышел из тени, а вернее поднялся с кресла и улыбнулся девушке широкой улыбкой. Взгляд её смягчился, голубые глаза больше не горели испугом, а ямочка на щеке бросила мне очередной вызов, когда Юленька ответила улыбкой на мою улыбку. И в очередной же раз я этот вызов принял.

– Что ж Вы так меня пугаете, – покачала Юленька головой, продолжая между тем улыбаться. Я сделал виноватый вид и исподлобья посмотрел на неё. На многих дам этот взгляд действовал безотказно. Вот и Юленька перестала качать головой и даже хихикнула, чем ещё больше подняла мне настроение.

– Я в детстве тоже иногда вот так могла притаиться и наблюдать за мамой или папой, а потом как выскочу из засады! Ой, ну и крику стояло, когда я пугала маму, а у папы были такие большие глаза будто он приведение увидел.

Небольшие шалости присущи всем детям и Юленька исключением не была.

– Значит ты была озорным ребенком? – спросил я, подходя к ней, вставая рядом и глядя в окно. Дождь совсем прекратился и наконец, выглянуло солнце. Мне безумно захотелось пройтись по саду.

– Я никогда не делала со зла, Вы не подумайте, – начала оправдываться девушка. Я махнул рукой в сторону сада.

– Я уверен, что ты сама доброта. Я и не думаю, что ты со злого умысла пугала родителей. Хочешь прогуляться по саду?

Юленька взглянула на часы. Она ждала кого-то?

– Скоро ужин. А к ужину должны приехать дядя и тетя. Но мы можем прогуляться. Раз уж солнышко вышло ненадолго.

Мы отправились в сад.

– Ты думаешь ненадолго?

Погода была довольно ясная, хоть и плыли по небу темные облака. Я прислушался к пению птиц. Мы шли вдоль дорожки, по краям которой были посажены деревья рябины. Целая аллея простиралась перед нами. А дальше липы, яблони, величественный дуб, груши,

березы, стояли маленьким обособленным островком, будто приглашая укрыться под тенью их сочной зелёной листвы. Несколько клёнов склонили ветви, словно зовя нас пройти мимо них и насладиться свежестью ароматов, а дальше клумбы и гряды цветов, благоухающих после дождя ещё сильнее, чем при сухой погоде.

Я вдохнул полной грудью. Юленька наконец ответила мне:

– Дождь будет. После ужина, когда стемнеет. Точно будет.

В её голосе звучала такая уверенность, что я поверил ей. Если она сказала, что будет дождь, значит он снова будет тогда, когда она сказала.

– И не просто дождь, гроза...

– Откуда ты знаешь?

– Я чувствую. Меня ещё в детстве научили чувствовать грозу. Одна старая женщина, жившая у нас в деревне. Она потом умерла, но я уже умела предсказывать погоду. Ну, – она покраснела, щёки зарделись. Юленьке стало немного стыдно, что она похвалила сама себя. Я лишь улыбнулся ей.

– Ароматы какие стоят в саду! – воскликнул я, чтобы сменить тему разговора и не заставлять её смущаться.

– Пахнет медовыми яблоками, липой и мятой, – засмеялась Юленька и её звонкий молодой смех разнёсся по всем окрестностям красивой и живой мелодией. Я восхищался ею. Её молодость, свежесть, тонкий аромат жасмина, исходящий от розовых щёк и нежной кожи, вскружили мне голову словно мальчишке. Я сделал к ней лишь шаг, что отделял нас, и сам того не ожидая, обвил руками её стройную фигурку, такую хрупкую и желанную. Но, как мне казалось даже сейчас, совершенно недосыгаемую. Теперь она в моих объятиях и нет ничего желаннее, чем касаться её и гладить мягкий шёлк её светлых волос. Между тем, в душе я страшился, что она сейчас испугано отпрянет от меня и убежит, скроется, и я больше её не увижу до самого моего отъезда, а может и вообще не увижу. Я стоял, прижимая её к себе, а душа дрожала в страхе.

Вдруг я почувствовал, что моя щека стала влажной. Юленька касалась своею щекой о мою. Я опустил взгляд и увидел, что несколько слезинок скатилось по её лицу и, конечно, по моему тоже.

– Простите... – пролепетала она, пытаясь отстраниться.

– Тебе неприятно?

Я решил сразу расставить все точки между нами. Если я ей безразличен, то оставлю свои желания при себе, если же в ней горит симпатия, то... Тогда я буду счастлив. Я никогда не принуждал женщин. Они сами хотели быть со мной. И Юленьку я принуждать не буду. Эта чистая душа пусть признается сама, хочет или нет нашего сближения. Или мы просто будем держаться на расстоянии во все дни пребывания моего у Анистова. Наверное с моей стороны эгоистично так рассуждать, ведь Юленька совсем не такая как все те женщины, которых я встречал ранее. И всё же я всегда хочу ясности. Если женщина хочет стать моей в самом прямом смысле этого слова, то я её делаю своей. Если она противится, то и мне такая особа ни к чему. Зачем тратить время на пустой флирт?

И всё же я рассуждал неправильно. Знал это в глубине своей развратной души, но ничего не мог с собой поделать. Таков я есть. Таким и останусь. Я не верю в добродетель. Разве только Юленька и осталась. Но несмотря на это, я исключения решил не делать. Дурак. Вот слово, которое иногда подходит мне на ум. Я отбросил терзания и глянул в её большие голубые глаза, из которых выкатилась ещё одна слезинка. Почему она плачет?

– Я знаю Вас так недолго, но...

Она пыталась отвернуть заплаканное лицо, но я взял её за подбородок двумя пальцами и осторожно поднял к себе.

– Если я тебе противен, скажи, я не буду больше делать таких смелых попыток. Не буду делать никаких попыток. Я уйду сейчас и мы будем встречаться лишь за обедом и ужином, не более. Ничем не потревожу твою бесценную душу.

Я смотрел в эти огромные, бездонные глаза и понимал, что она слаба так же как и я. Я могу разжать объятия, могу уйти из сада, но точно знаю, она пойдет за мной. Мужчине и женщине не нужно много времени, чтобы понять влечет их друг к другу или нет. Мне, например, хватило одного мгновения, чтобы знать, чего я хочу. Ей понадобилось чуть больше времени. Но меньше, чем другим женщинам, что я встречал. Одна единственная встреча в каком-нибудь клубе и... Не важно. Юленька совершенно другая, но и у неё есть слабости. Я стану её слабостью. Уверен в этом. Пусть она воспитана совсем иначе, чем многие женщины, но зов, этот внутренний зов всегда манит и ломает даже самых стойких и непорочных.

– Я не хочу, чтобы Вы уходили, – робко ответила она, и я понял, что прав. Я прижал её хрупкую фигурку крепче к себе. Мы медленно двинулись в самую дальнюю часть сада, туда, где стояла беседка, скрытая ото всех густой зеленью деревьев. До ужина мы просидели в объятиях друг друга. Юленька была смущена, вздыхала и даже ахала. Я чувствовал её волнение, чувствовал её робость и сопротивление, но она всё равно не убирала мои руки со своей талии и сама держала мою руку, время от времени сжимая мои пальцы. Мы сидели в беседке пока не закапал дождь, а в отдалении не послышался звук автомобиля.

– Дядя Серёжа и тетя Ада приехали. Нам пора.

Зачем? Я бы и дальше сидел вот так, сжимая Юленьку в объятиях и представляя её поцелуи. Но мой приятель вернулся домой и было бы невежливо затеряться в саду, не выйдя к нему навстречу. Всё-таки я приехал погостить именно к нему. И ещё мне было интересно, куда же-таки он ездил. Ада сказала, что им нужно решить дело. Не касается ли это дело Юленьки? Мне безумно захотелось убедиться, что я и в этом прав: Анистов хочет забрать у племянницы наследство.

Что ж, пора так пора. Пока мы добрались до дома, дождь стал чуть сильнее, обещая настоящее ненастье и грозу. Прогрохотал оглушительный гром и в этот момент Анистов и его жена показали на пороге.

Глава 5

Несмотря на надвигающуюся грозу, в этот вечер ужин накрыли на веранде, распахнув все окна и наслаждаясь (по крайней мере я) сумеречной прохладой. Ещё не сильный ветерок, а даже довольно приятный, шевелил лёгкие локоны Юленьки, собранные в хвост и закреплённые маленькой золотистой заколочкой.

Анистов хотел казаться весёлым. Рассказывал о поездке и о большом рынке, где приключилась с ним комичная ситуация. Я слушал в пол уха, поэтому не могу пересказать его историю. Я больше наблюдал за его взглядом. Усталый, беспокойный, почти отсутствующий. Что так волновало моего старого приятеля, что он ни разу не взглянул ни на меня, ни на племянницу? Ответ крутился у меня в голове.

Ада же напротив молчала и наблюдала за мной и Юленькой исподлобья. Она была совершенно недовольна поездкой. Будто ожидала от неё большего, чем случилось. Юленька, казалось, и не замечала взгляды тётки. Она была слишком невинной, чтобы заметить злость, и тем более понять смысл острого, колючего ревностного взгляда.

– Через десять дней состоится конная ярмарка, будет праздник в деревне. На этой ярмарке я представлю своего жеребца, – проговорил Анистов и Ада удивлённо воззрилась на него.

– Но Серёжа, ты же знаешь, что он уже...

– Это мой жеребец! И плевать, что там говорят, ясно?! – повысил голос Анистов, и мы с Юленькой быстро глянули на него. При мне Сергей никогда не повышал голос, я ни разу не слышал от него и намёка на крик. Свидетелем такого тона я был впервые. Юленька даже немного испугалась, но тут же выдохнула и успокоилась, спрятала руки под стол. Наверное они у неё дрожали.

Что имела ввиду Ада, я, конечно, не понял, но знал из рассказа кухарки, что Сергей в долгах, и, возможно, жеребец его часть этого долга. Вряд ли разумно продавать то, что тебе уже не принадлежит. Это не моё дело, но любопытство всё же раздирало меня.

– Прости, – сказала Ада так кротко, что я невольно глянул на неё. Если она виновата в том, что дом их разорен, то ей бы вообще больше молчать. Игра до добра не доводит! Несмотря на мои пороки, игрой я не увлекался. Хотя встречал людей играющих. Видел как один проигрался и застрелился. Я не успел помешать. Если честно, я своими словами на его счёт мог подлить масло в огонь. А он был очень эмоциональной личностью.

Ада встала из-за стола и, кинув на меня быстрый взгляд, вышла из комнаты. Анистов после ужина не дал мне и шанса с ним поговорить. Он сослался на сильную усталость после поездки, когда я спросил может ли он уделить мне внимание. Он ушёл, как и Ада, лишь поцеловал племянницу на прощание. Мне этот жест показался искренним, но я не хотел обманываться.

Мы остались с Юленькой наедине. Она предложила посидеть в гостиной, там выпить чаю. Я с радостью согласился.

Кухарка принесла большой поднос с чашками, заварочным чайником и разными сладостями.

– Юленька, съешь вот эти пирожные, – я указал на маленькие медовые кружочки, которые показались мне ужасно аппетитными. Я и сам взял одно. Юленька скромно улыбнулась и покачала головой.

– Я не очень люблю сладкое. Но Вы обязательно съешьте этот замечательный десерт. Знаете, моя мама часто пекла такие пирожные, и когда я по приезде сюда увидела его на обеде, десерт то есть, то расплакалась. Но на следующий день обошлось уже без слёз.

Я перехватил её руку и прижался губами к тыльной стороне. Аромат жасмина напомнил мне о нашей прогулке в саду. О беседке и объятиях. Мне вновь захотелось заключить её в свои объятия и не отпускать всю ночь. У неё были такие печальные глаза пока она рассказывала о матери и её десерте, что я ни за что решил не пробовать его! Убрать с глаз долой, вот что мне захотелось сделать с чертовыми пирожными.

Юленька сжала мою руку в ответ и с благодарностью посмотрела на меня. Мне безумно хотелось её утешить. Близость этой девушки творила со мной поистине что-то невообразимое. Тепло разлилось по телу при мысли, что она мне доверяет и позволяет обнимать. А значит может доверить и большее.

Кажется я замечтался или просто задумался. Я услышал её милый голос, такой женственный и таинственный, тихий, у самого моего уха.

– Как много разных людей в мире, – говорила она, грустно глядя на картину, что висела на стене напротив того места, где мы с ней сидели. – И никогда не знаешь, кто настоящий... А кто просто притворяется. Мама и папа были настоящими. И дядя Серёжа тоже настоящий.

Если насчёт первых я ничего не знал, то о втором мог бы поспорить. Но я не хотел раньше времени тревожить душу Юленьки. Сначала я должен поговорить с Сергеем и понять, правда ли он замышляет злодейство против племянницы, как я думаю, или я ошибаюсь. И всё же странно, что она вдруг заговорила о характерах людей. Неужели думала о ком-то конкретном.

– Не так трудно разглядеть человека, если хорошо в людях разбираешься, – немного самодовольно произнёс я. Юленька воззрилась на меня с интересом. Спросила:

– Вы хорошо разбираетесь в людях, Алексей?

Я готов говорить с ней о чём угодно, лишь бы подольше. Пусть она меня узнает лучше, тогда, быть может, не будет так дрожать при моих прикосновениях. Я улыбнулся и ответил с удовольствием:

– В силу моей прошлой профессии, мне приходилось сталкиваться с разными людьми и уж поверь, Юленька, я могу судить о характере человека. Вот ты, например, кроткая и добрая, совершенно бесхитростная и поэтому столь чистая душа манит к себе непреодолимо.

– Вы так интересно выразились, в силу прошлой профессии, – отозвалась Юленька, чуть зардевшись от моих последних слов. – Кем Вы работали и почему оставили это в прошлом?

– Я был редактором журнала, где люди печатают свои стихи и рассказы.

– Дядя Серёжа пишет стихи.

Дурацкая мысль пришла мне в голову: человек, который пишет стихи не может быть низким, совершать гадкие поступки. Ведь пишут стихи только люди с возвышенной, светлой душой. Я говорю именно о хороших стихах, таких, какие пишет Анистов, а не о тех поэтах, творчество которых вызывает отвращение и неприязнь.

– Я печатал его стихи. Так мы познакомились.

– А почему ушли из журнала?

Я заметил, что Юленька упорно называла меня на Вы. Это упрямство или просто вежливость? В её случае, думаю, вежливость, а вот в случае с, например, Адой, было бы упрямство. Причём ослиное.

– Я получил наследство. Денег стало много, а я всегда жаждал приключений, путешествий.

Я бросил журнал и пошёл во все тяжкие, одним словом. Мне больше не нужно было работать. Я мог свободно делать, что душа пожелает. И я делал...

Юленька слабо улыбнулась. Она хотела придвинуться ко мне ближе, но что-то её остановило. Наверное воспитание.

– Так что я праздный, ленивый и... беспутный человек.

Я не стал говорить слово порочный, но подразумевал это. Юленька долго смотрела на меня, серьёзно, сдвинув брови, а потом вдруг рассмеялась своим звонким смехом, что наполнял трепетом моё сердце уже три дня подряд.

– Что такое? Почему ты смеёшься? – я и сам улыбнулся, видя её такую весёлую. Мне было приятно, что я мог чем-то Юленьку рассмешить. Позволить её горю рассеяться хоть ненадолго. В тот момент я осознал как сильно ошибся в своём убеждении в первую нашу встречу. Я подумал тогда, что улыбка её не омрачена ещё никакими тяготами жизни или несчастными событиями. Но это было не так! Горе скрывалось за этим печальным взглядом, нежной улыбкой и румяными щеками.

– Я не верю, что Вы беспутный и порочный.

Она сказала именно то слово, которого я хотел избежать. Пусть. Она не верит мне, но это правда. Юленька думает обо мне слишком хорошо.

Я пожал плечами и улыбнулся шире, говоря тем самым, что это шутка. Юленька кивнула. Ладно, в каждой шутке есть правда. В моём случае много правды.

– Ну а чем ты занимаешься? Ты ведь тоже получила наследство, – я перевел тему разговора, потому что хотел узнать о Юленьке ещё больше. О себе же мне рассказывать вдруг расхотелось.

– Я не веду праздный образ жизни, Вы не думайте, – поспешно и даже испугавшись ответила она. – Когда были живы родители, я помогала им по дому и со скотиной, помогаю и здесь. Кормлю, могу подоить, ухаживаю, и за садом тоже хожу.

– Это ты любишь? Так?

Она быстро кивнула. Заколочка вдруг щёлкнула и волосы Юленьки распались, разметались по плечам. Она стала собирать их и тараторить: видимо разволновалась сильно.

– Ой, простите, мои волосы такие непослушные!

Я перехватил её дрожащую от чего-то руку и поцеловал ладонь. Мягко коснулся губами её тонкого нежного запястья. Юленька задрожала ещё сильнее. Я чувствовал, что она хочет прижаться ко мне, но её останавливает природная робость, смущение. Ранее она казалась немного смелее, сейчас совсем зарделась.

– Мне пора, нужно идти спать, – еле слышно сказала она, и я отпустил её с большой неохотой.

Мне спать не хотелось. Я проводил девушку до её спальни, наконец узнав, что она находится через одну от меня, в самом углу коридора. Я не заглянул в комнату, боясь, что она подумает обо мне совсем плохо (хотя это было бы правильно), лишь поцеловал ещё раз на прощание руку и отправился к себе.

Долго я ворочался той ночью, слушая как за окном бушует гроза. Все мои мысли были лишь о Юленьке. Я представлял как она сейчас спит в своей мягкой удобной постели и как её беленькая голова покоится на подушке, как спокойно и ровно её дыхание, как вздымается туда-сюда грудь... Я подорвался и хотел пойти к её двери, как верный пёс лечь у её порога и стеречь Бог знает отчего. Но вдруг снова лёг, снова задумался о своей поездке в эту деревню, об Анистове, о его жене, что стала так противна мне. Я думал о многом, но мысли эти не были главными. Я даже думал о человеке, который однажды как и я получил наследство, но потерял его, проспорил. Мне. Он проспорил мне кучу денег, что составляли большую часть его полученных от бабки сокровищ, так сказать. Я знал, что он не сможет выиграть спор. Я не азартный игрок, не игрок в карты, рулетку и покер. Но я могу спорить, особенно если знаю, что прав. И я выиграл спор. Тот человек умолял меня не забирать всё, но я забрал. Он был мне должен, и я забрал долг. Что тут ужасного?

Я перевернулся на другой бок. Гроза за окном набирала обороты. Вот интересно, Юленька боится грозы? Тут же я услышал вскрик. Он случился и быстро затих. Это была Юленька, я уверен.

Я вскочил с кровати и, не надев халата, в одних шортах и футболке выбежал в коридор и помчался к комнате Юленьки. Дёрнул ручку. Дверь была не заперта. Я ворвался внутрь.

Комната озарилась ярким светом молнии. Ветер раскрыл окно и выпустил грозу в дом.

Я подошёл к окну и закрыл его. Протянул руку к настольной лампе и включил свет. Он был тусклым и плохо освещал спальню, но я смог разглядеть большую красивую кровать с балдахином, старинную и прочную, как и все старые вещи. Комната была красивой, большой, и неважно, что она была угловой. Анистов поселил племянницу в хорошее место.

В полутьме комнаты, я увидел её. Юленька стояла у одного из кроватных столбиков и смотрела на меня. Она вздрогнула и отпрянула назад, к письменному столу.

– Я услышал твой крик.

– И ворвались ко мне в спальню, – её голос прозвучал в тишине комнаты робко и застенчиво. И одновременно испугано.

– Прости, что потревожил. Думал случилось что. Испугался.

Я увидел её улыбку. Такую же застенчивую как и голосок. Она уже в который раз очаровала меня.

– Если дядя увидит Вас здесь, мне попадёт. Он старых взглядов и не терпит, как он выражается, пошлости в своём доме. Да и я не могу оказаться в таком позоре.

Я хотел рассмеяться, но не посмел: Юленька верила в свои слова насчет Анистого. Современный мир погряз в этой пошлости, но есть ещё уголки во Вселенной, где царит прежнее целомудрие. Я кивнул девушке и решив больше не смущать её, покинул комнату, тихо затворив за собой дверь. Хотелось рваться обратно, обнять её, прикоснуться к румяным щекам, но я не посмел опорочить это хрупкое создание. В этот раз я не посмел, не решился.

Прикрыв дверь своей спальни, я замер. В моей комнате кто-то был. Я вглядывался в темноту и не мог разглядеть ничего. Послышался очередной раскат грома, затем молния высветила женский силуэт у моей кровати. Я понял, что это была Ада. Кто же ещё.

– Лёша. Я вернулась. Как я и говорила, ты ещё, конечно, здесь.

Она стояла в сорочке и распахнутом халате.

Я прошел по комнате и включил ночник, что стоял на письменном столике.

– Уходи, – просто сказал я. Эта женщина не поняла того, что я сказал в прошлый раз. Что ж объясню ещё. Я развернулся к ней лицом, чтобы произнести жёсткие слова, а она уже была рядом со мной. Провела ладонью по груди и призывно улыбнулась.

– Между нами произошло недопонимание. Ты был груб со мной, но это ведь просто ошибка, так? Ты жалеешь о словах, сказанных мне?

Её рука переместилась к моей шее, затем к щеке. Я отстранился.

– Ты здесь, а я и не надеялась. Помнишь как хорошо нам было вдвоём?

Я всё помнил. И хотел это забыть. Эта страница книги для меня закрыта. Навсегда. Ада приблизилась ко мне вплотную и прошептала на ухо:

– Я горю рядом с тобой как прежде. Скажи, что и ты испытываешь нечто подобное.

Я отстранился, убрал её руку и отошёл на пару шагов.

– Я ничего не желаю вспоминать. С тобой у нас ничего больше не будет. Мне жаль, что ты не поняла этого перед отъездом. Ада, ничего больше нет и не будет. Наш недолгий роман лишь ошибка, совершенная мною.

Голос мой был спокоен и, думаю, выглядел я так же. А вот Ада вся напряглась, глаза её сверкнули злобным, ревностным огнём в свете ночной лампы. Я ранил её и понимал это.

– Всё из-за этой девки, да? – прошипела она, в отчаянии заламывая руки. Я понял в тот момент, что Юленька приобрела врага. И я был всему причиной. Я. Я один. Я один. Я...Я... Чёрт, но мне было плевать. Связываться с Адой я точно не хотел.

– Она ни при чём. Я ехал сюда не для того, чтобы снова путаться с тобой. Мне хватило и прошлого раза. Я остыл к тебе, понимаешь? Совсем. Окончательно. Я приехал лишь погостить в твоём доме, увидиться с твоим мужем.

Её желваки ходили ходуном, кисти сжались в кулаки. Ада, прищурившись, пыталась сжечь меня взглядом. Но такие взгляды на меня не действовали. Я к ним равнодушен.

– Я всё расскажу Серёже. Как тебе такое? Расскажу, что у нас был роман!

Она опустила до пошлых угроз. Это показалось мне до такой степени смешным, что я не сдержался и широко улыбнулся ей.

– Глупая ты, Ада. Зачем тебе топить себя, ради мимолётного увлечения? Ради твоей женской гордости ты готова расстаться с мужем? Ведь ты держишься за него, а не он за тебя. Я в курсе ваших проблем, виновницей которых стала именно ты. Не думаю, что твой муж погладил тебя по головке за твои прегрешения. Хочешь подлить масла в огонь? А может хочешь остаться одна? Да ещё и на улице? Даже если дом вы потеряете, то у Сергея найдётся решение. А вот у тебя его точно нет. Ну так что, ещё хочешь рассказать ему о нашем прошлом романе?

Она молча смотрела на меня, понимая, что проиграла. Взгляд её потух, голова опустилась, руки повисли безвольно вдоль тела. Ада больше не походила на игривую соблазнительницу, а лишь на потерпевшего полное фиаско человека. Она выглядела жалко.

– Оставь меня. Я хочу спать, – устало сказал я, открывая для неё дверь.

Женщина медленно, даже не смотря на меня, прошла мимо, и я тихо затворил дверь. Прислонился к ней затылком. По-прежнему был спокоен. Ада не волновала меня.

Но я представил себе хрупкую, нежную фигурку Юленьки и застонал от волнения.

Со смятением в сердце и душе, которых я не ожидал от себя, я уснул только с рассветом. Тяжёлым, беспокойным сном. И это было для меня ново. Ведь сон мой всегда оставался размеренным, независимо от жизненных обстоятельств. Теперь я понял: что-то во мне Юленька встревожила так, что я уже не смогу стать прежним. Что-то она во мне изменила.

Глава 6

Днём позже я вошёл в кабинет Анистова, где он сидел за столом, погрузившись в глубокую задумчивость. Он не сразу заметил меня, а когда увидел, что я сижу перед ним, то вымученно улыбнулся. В глубине его серых глаз я заметил что-то похожее на испуг. Чего он боялся? Меня? Ведь я неожиданно возник перед ним. Или своих мыслей? Или каких-либо дел, которые собирался совершить? Я смотрел на него теперь как на злодея, а не друга, хотя не был до конца уверен в его коварных планах, относительно Юленьки.

– Друг мой, это ты, – добродушно сказал он, убирая со стола какие-то бумаги. Я не успел разглядеть, что это были за документы. Но увидел печать на одном из них. Там было написано слово психиатр. Ко мне в голову закралась одна догадка, но я не спешил: хотел точно убедиться в намерениях моего друга. – Я и не слышал как ты вошёл.

– Здравствуй. Чем занят? Я думал пойти прогуляться, порыбачить. Ты же любишь рыбалку.

Я начал издали, собираясь по-тихоньку перейти к сути дела.

– Да, можем сходить, сейчас утро, клёв будет что надо. Я не против, – отозвался Анистов охотно. Я же думал, что он откажется.

– Значит идём?

– Идём.

Мы встали из-за стола. Сергей вдруг схватился за спинку стула и прикрыл глаза.

– Что с тобой?

Я немного встревожился. Неужели он был так сильно взволнован, что почувствовал дурноту? Я обошёл стол и помог ему снова сесть.

– Прости, – Анистов расстегнул ворот рубашки и глубоко вздохнул. Я хотел налить ему стакан воды из кувшина, бывшего на столе, но он покачал головой и достал из ящика маленькую бутылочку со светло-коричневой жидкостью и две рюмки. Налил себе. Предложил и мне. Я отказался. Он выпил и убрал всё обратно. Откинулся на спинку стула. Вытер лоб.

– Извини, что-то нехорошо мне. Наверное рыбалки не будет.

– Случилось что-то у тебя? – спросил я так, будто не знал о его проблемах.

Анистов помолчал. Снова достал бутылочку и выпил ещё рюмочку коньяка.

– Утро, а я пью. Такого со мной раньше не бывало, – с горечью сказал Сергей, с ненавистью глядя на коньяк. – Прости меня, Алёша. Есть небольшие проблемы. Но я их решу. Непременно.

– Помощь нужна? – Помочь деньгами я бы мог, но... Я не хотел. Если только ради Юленьки...

– Нет, нет, – поспешно заговорил Анистов. – Я справлюсь сам, не беспокойся. Отдыхай. Я тоже стараюсь.

Да, в первый вечер он выглядел более менее спокойным. А вот после возвращения из города, покой ему теперь лишь снится. Он приехал только вчера, а такое волнение и беспокойство будто уже не первый год мучают его. Я хотел было спросить о его проблемах напрямую, и о наследстве Юленьки, и о намерениях Анистова в отношении его, но он вдруг сначала закрыл лицо руками, потом открыл, потёр переносицу, и после этого произнёс:

– Ты извини. Я пойду прилягу. Встретимся за ужином.

Но за ужином мы не встретились. Сергей в тот день заболел, у него поднялась высокая температура. Он сильно простудился в поездке, несмотря на теплые дни. Дождь сыграл свою роль. Плюс высокое давление, о котором я даже не знал. Но он знал и всё равно пил коньяк! Долго он лежал в кровати и не вставал. Я так и не смог обсудить с ним мои подозрения.

Юленька – вот кто завладел всем моим вниманием.

Наши дни летели быстро, сменяя один другой и оставляя каждый раз приятные, незабываемые впечатления. Юленька была такой простой и искренней в своих желаниях, что мне, порой, становилось стыдно, когда я предавался нечистым мыслям, что посещали мою голову. Иногда, сидя на поляне в лесу, я наблюдал как она собирает маленькие синие цветы в букет с особой заботой и осторожностью. Будто боялась сделать им больно, будто они могли чувствовать боль, словно люди. В такие моменты я представлял её в своих объятиях, такую же хрупкую как эти синие цветы и такую же красивую как они. Цветы неизвестного мне названия. Но ведь и она была для меня неизвестной в сущности, прекрасной юной девушкой. Наивной, бесхитростной, доверчивой и желанной незнакомкой. Впрочем, я быстро разгадал её.

Однажды мы сидели на веранде её дяди. День по-тихоньку угасал. Солнце уже опустилось к горизонту и озарило небо розовой дымкой. Слабый ветерок шевелил крону стоявшего рядом с верандой клёна, а в его листве, пела какая-то птица, заливаясь красивой трелью перед ночью, заставляя мою подругу замирать при этих звуках, прислушиваясь и закрывая глаза. Сонное очарование вечера передалось Юленьке, она вздохнула, отвлекшись от пения птицы, и посмотрела на меня таким взглядом, что я понял его сразу. Глаза её сверкали в свете заходящего солнца, они были полны надежды, томления и желаний. Я не ожидал так скоро запасть ей в душу, но был несказанно рад тому, что увидел. Мои низменные мечтания, казалось, сбудутся совсем скоро. Я даже не пытался гнать их в тот вечер из своей головы. Они были слишком близки к осуществлению, чтобы стыдиться их.

Юленька улыбнулась мне и прильнула светлой головкой к моему плечу. Я гладил её мягкие волосы, вдыхая их цветочный аромат и говорил себе быть осторожнее. Окна дома, по крайней мере той его части, где обычно находились его обитатели, не выходили в эту часть сада, да и веранда была так со всех сторон окружена густыми деревьями, что невозможно увидеть, что в ней творится, даже если сильно захотеть. В какой-то момент, я тронул лицо девушки, коснулся её подбородка и приблизил её лицо к себе. Её губы мазнули по моей щеке, я почувствовал дрожь её стройного тела.

– Юленька, ты так хороша, так красива, – я шептал ей много разных глупостей, которые приходили мне в голову, опьянённый её близостью, а она краснела по-прежнему, но не могла преодолеть свои желания, поэтому позволила мне оставить на её сладких губах несколько поцелуев. Когда я оторвался от неё, не без труда, то увидел слёзы в её глазах. Это меня сбило с толку сначала. – Почему ты плачешь, милая?

Юленька всхлипнула, потупила взор, я увидел как она перебирает носками туфель. Это её привычка всегда бросалась мне в глаза.

– Я плохо поступаю, кажется. Но я не в силах противиться тому, что чувствую, – еле слышно прошептала она. – Мне стыдно, что я не владею собою. Мне стыдно, что я так слаба. Но я так хочу Ваших поцелуев, объятий, мне они необходимы словно воздух.

– Тебе не нужно стыдиться своих чувств, Юленька. Я не стыжусь и ты не должна. Поверь, мы хотим одного и того же.

Она доверчиво глядела на меня, а я снова коснулся её губ, оставив влажный поцелуй.

– Вы правду говорите?

Да, я говорил правду, но моя правда отличалась от её правды. Юленька была влюблена в меня, она хотела не просто романа, она хотела нечто большего. Чего? Любви на всю жизнь? Но я не знал, чем закончится наше приключение, и как скоро мои чувства угаснут. Я не думал о будущем, я жил настоящим.

– Правда.

Мы заключили молчаливое согласие между собой. Мы вместе. Надолго ли, я не знал. Она была уверена, что навсегда.

Я проходил мимо гостиной и услышал недовольный голос Ады. Она отчитывала кого-то так рьяно, что будь я на месте объекта её гнева, то скрылся бы с глаз долой. Неужели бедную болтливую кухарку ругает за стряпню? Хотя готовила эта женщина отменно. Да и чисто всегда было в доме, так что и единственную бывшую у них служанку отчитывать не за что.

Я решил зайти и посмотреть, кто стал козлом отпущения из-за плохого настроения хозяйки дома. Открыл дверь в гостиную и замер. На диване, вся съезжившись от страха сидела Юленька, а Ада нависала над ней словно туча, подбоченившись и говоря что-то про её распутство и дурной характер. А ещё она назвала её бесполезной и вдруг размахнулась, чтобы ударить. Я побледнел в тот момент. Опрометью бросился к женщинам, успел перехватить руку Ады, пока она не хлестнула хрупкую девушку. Ада, не ожидавшая, что ей помешают и тем более не ожидавшая, что это буду я, оскалилась на меня и расширила в удивлении глаза. В тот момент я подумал, как мог вообще иметь с этой женщиной что-то общее в прошлом. Она злая, надменная. Из-за глупой ревности набросилась на бедную девушку.

– Что ты...

– Не трогай её или я сам всё расскажу Сергею, – спокойно сказал я и отпустил её руку.

Ада бросила стрелу взглядом в дрожащую от страха Юленьку и унеслась из комнаты в одно мгновение. Я перевел взгляд на девушку. Она молчала, поражённая состоявшейся сценой. Я присел рядом с ней и обнял её плечи.

– Пойдём прогуляемся? – Предложил. Ей нужно было развеяться, прийти в себя, вдохнуть свежего воздуха, а здесь вдруг стало так душно, что и не продохнешь.

Она молча кивнула. Мы вышли из дома, пересекли двор и пошли по направлению к лесу. Туда, где часто любили гулять. Шли молча. Я держал Юленьку за руку и чувствовал как она успокаивается. Но это было лишь видимостью. Когда мы достигли заброшенной избушки, милая девушка сжала мою руку сильнее, повернулась ко мне и бросилась мне на шею. Она рыдала безудержно. Надрывно. А я гладил её мягкие светлые локоны и утешал как мог словами.

Минут через десять она успокоилась и взглянула своими яркими голубыми глазами в мои. Я нежно провёл по белокурым волосам, выпутывая оттуда березовый листочек.

– Что там произошло? – Осторожно спросил, боясь, что она не захочет мне сказать. Но я желал знать.

– Она видела нас вдвоём... Следила за нами.

Голос Юленьки был тих, будто она боялась, что тётка её услышит.

– Она злится, что Вы уделяете мне внимание. Почему?

Невинная, милая Юленька и не подозревала о моей прошлой связи с Адой. Ей было невдомёк почему тетка накинулась с такой злостью.

– Она назвала меня порочной. Наверное, я и правда такая.

– Нет! – громче, чем хотел возразил я. – Ты светлая и чистая душа, а она глупая женщина, которая не знает, к кому применить свой вздорный характер. Она больше тебя не тронет, обещаю.

Юленька странно посмотрела на меня, но я видел: она мне верила. Она не спросила о моих словах в сторону Ады. Просто обняла меня и прижалась к плечу щекою.

Начался дождь. Он порядком надоел, но от него никуда не денешься. Мы забежали в избушку, укрылись от ненастья за её стенами. На улице потемнело. Мы не могли пока вернуться домой. Я нашел в кладовой дрова и разжёг огонь в старом камине, благо зажигалка всегда была при мне. Я часто курил и не мог обойтись без огня. Мы сидели рядом друг с другом и говорили. Юленька совсем успокоилась. В моих руках она чувствовала уют, тепло и защищённость.

Я не заметил, как она уснула на моём плече. Сидел тихо, почти не шевелясь, чтобы не разбудить это нежное создание, которое так доверяло мне. С великой осторожностью я достал телефон и сделал фотографию. Мне хотелось, чтобы её фото было у меня. Мирная, красивая

девушка, на щеках которой играют тени от огня в камине. Тени, как противовес её свету, внутреннему яркому свету души, который я разгадал в ней безошибочно. Нельзя опорочить такую душу. Но я никогда ни перед чем не останавливался. Я покачал головой, думая о её дяде. Если он задумал недоброе! Я впервые хотел кого-то защитить. Это желание сделалось почти навязчивым. Всю жизнь я равнодушно относился к людям, а теперь понял, что не могу равнодушно относиться к Юленьке. Возможно, у каждого в жизни случаются переломные моменты. Для меня встреча с этой девушкой стала именно таким моментом за столь недолгое время.

Ресницы её дрогнули, она нахмурила изящные брови, но вот лицо вновь разгладилось, стало спокойным. Я прикрыл глаза, чувствуя наступающую сонливость. Остаться в избушке на ночь. Перспектива так себе, но если рядом Юленька, я не против. Поборов сонливость, я осторожно поднялся с кресла, аккуратно придерживав Юленьку и подкинул дров в очаг: мало ли какая будет ночь. Дождь бывает холодным, а ветер пронизывающим даже в укрытии. Тем более таком старом.

Устроившись удобнее и посадив Юленьку себе на колени, я откинулся на спинку кресла и наблюдал за ней спящей. Она спала крепко. Я разомлел в конце концов и тоже уснул. Сквозь сон я услышал голос моей девушки:

– Я твоя, знай, вся...

Улыбнулся и прижал Юленьку к себе крепче.

Глава 7

Сидя у окна в кабинете Анистова, я вспоминал нашу совместную ночь в избушке с Юленькой. Я не встречал девушки красивее её ни разу в жизни. Она глоток свежего воздуха для меня. Нечто новое и почти непознанное. При встрече с ней каждый раз душа моя наполнялась трепетом, волнением, которые стали вытеснять постепенно низменные желания. Я уже знал, что не стану её обманывать, не стану пользоваться её наивностью и искренностью её чувств. Я менялся каждый день, проведенный с нею. Даже не знаю, был ли я этому рад, ведь привязываться к кому-то так сильно, чтобы принять серьёзное решение, не входило в мои планы.

Прошло ещё несколько дней прежде, чем Сергей Анистов окреп окончательно и стал выходить из комнаты и даже из дома. Мы отправились с ним на рыбалку. Просидели на небольшом озере целый день. Говорили много о чём, но о интересующем меня предмете я так и не смог его расспросить. Он нарочно менял тему, когда я заговаривал о его племяннице или о его доме и лошадях, обо всём, что касалось его личных дел и финансовом положении. Подозревал ли он, что я хочу от него узнать, не знаю, но точно говорить и обсуждать со мной свои дела не хотел. С рыбалки мы вернулись с хорошим уловом и отнесли его на кухню. Анистов предложил покурить трубку. Я согласился. Ещё несколько часов мы провели вместе, играя в шахматы, выпивая коньяк и обсуждая его стихи и другие книги. Но ни разу разговор так и не зашёл о Юленьке.

Однажды мы совершили конную прогулку, довольно продолжительную. Сергей много рассказывал о лошадях и ярмарке, которая должна была состояться в выходные. Он горел желанием всем показать своего красавца жеребца и ни на минуту не сомневался, что этот конь станет знаменит. Оказалось, он не намерен продавать коня, а лишь представить на конкурсе. Я больше слушал, чем говорил и всё больше уверялся, что Сергей чем-то чрезвычайно озабочен. Он, порой, забывал о чём рассказывал, задумывался глубоко на целые минуты и только когда я напоминал о себе, то вновь продолжал разговор, прося напомнить о сути беседы.

– Прости, что-то я рассеянный сегодня, – извинялся Сергей и мы шли дальше.

Я отвлекся от своих размышлений, услышав стук в окно кабинета. В саду стояла Юленька. Закрывая глаза ладонями с боков от солнечных лучей, она прильнула к стеклу и, улыбаясь, смотрела на меня. Я улыбнулся в ответ и открыл одну створку окна.

– Погода замечательная, идёте посидим в беседке или прогуляемся по саду, – проговорила она, призывно махнув рукой. Я ничем не был занят и, конечно, не мог отказать Юленьке. Анистов сегодня будто избегал меня, а его жена смотрела при встрече волком. Я кивнул Юленьке и сказал, что выйду в сад.

Проходя мимо малой гостиной, я услышал голос Анистова. Он спорил со своей женой. Я не мог пройти мимо, ведь если Сергей и Ада спорят о чём-то, то предметом спора может быть Юленька.

Тихонько заглянув в маленькую щёлку, оставленную явно не нарочно, я прислушался к разговору внимательнее.

– Ты не можешь поступить иначе, – капризно произнесла Ада. – Да, я виновата! Но решение всех наших проблем так близко, только руку протяни. И тем более, другого выхода нет, ты сам знаешь.

– Врач сказал, что за ней там будет хороший уход, – рассуждал в ответ Сергей. – Это хорошая клиника. И там прекрасные специалисты.

Мне показалось, что он глубоко вздохнул.

– Её наследство покроет все наши долги.

– Наши?! Это ты загнала меня в долги, Ада.

– Повторяю, я свою вину осознаю. Но ты не делай вид, что совсем ни в чём не виноват. Ты достал меня своими лошаадьми. Это слишком дорогое удовольствие.

Кулак по столу, думаю, привёл Аду в чувства.

– Не нужно так делать, прошу, Серёжа. А что касается твоей грешной племянницы, то психушка это самое то, что для неё нужно.

В ответ молчание. Справа от меня что-то зашуршало, я оглянулся. Горничная стояла, с усмешкой глядя на меня.

– Знаешь что, жёнушка...

Дальше я не слышал разговор, я отошёл от двери, сделав вид, что что-то ишу на полу. Но горничная вряд ли поверила. Новая усмешка сказала сама за себя.

Я ушёл из коридора и направился в сад. Теперь я был уверен: тетка и дядя хотят упечь Юленьку в психбольницу, а сами забрать её наследство. Это знание разозлило меня и вместе с тем я ловил себя на мысли, что давно подозревал о нечестных намерениях родственников Юлии. Вот зачем они ездили в город на самом деле. Встречались с психиатром. Хотят выдать Юленьку за психически нездоровую личность. Я заскрежетал зубами. Раньше я бы позавбавился, понаблюдал со стороны на всю эту картину. Но теперь не мог выдавить даже слабой улыбки. Положение Юленьки было скверным. Я решил предложить ей уехать со мной сегодня же вечером. И плевать на Анистова, Аду, их нечестные планы. Мы уедем и будем жить вместе. А они пусть остаются и разбираются со своими долгами сами.

Мы сидели в беседке под густой тенью широкой липы. Юленька прижималась ко мне, я обнимал рукой её талию и гладил светлую головку. Мысль убежать с ней сегодня же, крепла во мне с каждой минутой. В один момент я решился и заговорил:

– Милая Юленька, я знаю, что мы друг без друга не сможем жить. Я без тебя буду тосковать и ты тоже, ведь так?

Она подняла голову и доверчиво глянула в мои глаза. Я видел в них свет, который зажигается, когда смотришь в глаза любимого человека и предвкушаешь услышать что-то очень важное, судьбоносное от него. Что-то, что изменит жизнь, перевернет её на сто восемьдесят градусов, а может и на все триста шестьдесят, не возвращаясь при этом к тому, отчего ушли. Так я думал, вернее догадывался. Хотя меня любили, я это знаю, и этот свет был мне знаком. Подозреваю, что в моих глазах горел тот же свет сейчас.

– Так, – тихо ответила она. Да, я бы прав.

– Уедем со мной сегодня же, Юленька, – в порыве заговорил я быстро. – Мы будем жить вместе, поженимся, никогда не расстанемся. Ты и я. А здесь тебе оставаться опасно. Согласна? Уедем? Сегодня вечером?

Девушка в удивлении расширила бездонные голубые глаза, и я на секунду усомнился, что она согласится.

– Опасно?

– Да. Твои дядя и тетя замышляют недоброе, я был свидетелем их разговора сегодня. Я не хочу, чтобы они тебя использовали, обидели. Ты согласна? Я люблю тебя!

Замешательство в её глазах сменилось надеждой, радостью, счастьем. Она кинулась мне на шею и прошептала на ухо:

– Правда, что любите меня? Правда хотите быть со мной?

Казалось она не слышала моих слов, касающихся её родственников.

– Правда.

– Я вся, вся Ваша.

Этого ответа мне хватило, чтобы понять: мы уезжаем сегодня вечером.

Я долго целовал Юленьку, а после мы сговорились убежать. Почему тайно? Думаю это понятно. Сергей и Ада просто так Юленьку не отпустят. Сергей начнёт уговаривать остаться,

Ада будет наговаривать на меня плохого, и в конце концов они могут поколебать решение девушки. Я этого допустить не мог, поэтому решил бежать ближе к ночи, когда все будут спать.

До вечера я не видел Юленьку. Она пряталась отчего-то в своей комнате и не выходила. Так бывало иногда, я заметил. Я между тем собрал вещи, всё упаковал и был готов.

Вечером я спуускался по лестнице, направляясь в столовую на ужин. Я встретил на входе Аду. Она была весела и очень оживлена.

– Не беспокойся, я тобою больше не больна, Алёша. И не смотри на меня так, будто я ведьма. Я обычная женщина. Люблю любить, люблю, когда меня любят. А ещё я люблю этот дом. И развлечения. Скоро здесь снова зазвучат голоса, польётся рекой вино и люди будут играть в карты, в кости, и Бог знает во что ещё. Я верну себе свою жизнь.

Эта вульгарная, но самоуверенная тирада заставила меня скривиться.

– У вас плохое финансовое положение для этого.

Она расхохоталась.

– Я в курсе, что тебе известно. Сам говорил. Кухарка всё тебе разболтала, милый.

Я распахнул перед Адой дверь столовой, улыбаясь, но про себя думая, что ничего к ней не вернётся. Она останется как та бабка у разбитого корыта. Юленька уедет со мной. Им с Анистовым не видать её денег. А мне они не нужны, у меня у самого их хватает.

Ужин прошёл в странной гнетущей обстановке. Юленька появилась за столом чуть позже, чем все остальные. Она взглянула на меня украдкой, даже не улыбнувшись. Как всегда задумчиво молчала, временами вздрагивая отчего-то. Я думал, что она страшится сегодняшнего побега. Это большой шаг в её понимании, и чтобы его сделать ей нужно проявить свою смелость. Но она любит меня, а значит сделает то, что мы задумали. Сергей тоже почти молчал, а вот Ада щебетала как заведённая. О всякой ерунде. В конце ужина Анистов так глянул на неё, что женщина мигом замолчала, вышла из-за стола и покинула столовую.

Мы с Анистовым вышли ещё минут через пятнадцать. Я не хотел говорить с ним, и он это понял. Распрощался и поднялся к себе. Я стоял в коридоре, поджидая Юленьку и переминался с ноги на ногу. Часы на стене пробили девять вечера. Я долго смотрел на циферблат, на стрелки и слушал их тиканье. В мозгу разрабатывался план, как я начну новую жизнь с девушкой. Я ни разу не жил с девушкой. В чём, в чём, но в этом я профан. Говорят быт убивает любовь. Я проверю это на своём опыте. Не знаю куда меня приведёт моё решение забрать Юленьку, но здесь я оставить её не могу на съедение волкам.

– Алексей? – я услышал робкий голосок и обернулся. Схватил её за руку и притянул к себе. Она быстро глянула по сторонам.

– Думаешь, твой дядя не знает, что мы вместе?

Она долго обдумывала ответ. Затем просто прижалась ко мне сильнее.

– Он может догадываться. Я всё собрала.

– Отлично. В полночь я жду тебя у двери в сад. У той, что ведёт с веранды. Уйдём через садовую калитку. Мы будем счастливы, милая моя.

Она скромно улыбнулась мне, глаза вновь загорелись счастливым огоньком.

– В полночь, – повторила она и, оставив на моей щеке нежный, лёгкий поцелуй, упорхнула наверх. Я ещё немного постоял с глупой улыбкой на лице. Чуть позже я тоже поднялся на второй этаж и скрылся в своей комнате.

Была почти полночь, когда я вышел из спальни, держа свою небольшую дорожную сумку в руке. Я спустился в холл, осмотрелся. Вокруг была тишина. Только часы отсчитывая время, нарушали идиллическое молчание дома. Всё было погружено во мрак. Всё, кроме крыльца у главного входа. Я направился в сторону веранды. Прошёл мимо гостиной, мимо кабинета, мимо комнаты служанки и оказался перед входом на веранду. Оттуда я слышал тихие шаги. Дверь распахнулась, выбросив в темноту большую полосу жёлтого, туманного, мрачного

света. На пороге стояла Юленька. Я улынулся ей и взял за руку. Что-то в ней насторожило. Она странно глядела на меня. Глаза блестели каким-то незнакомым блеском. В них не было того света, что так привлек меня с самого начала.

Я забрал её сумку, повесил себе на плечо. Мы вышли из дома. Когда углубились по дорожкам в сад, я почувствовал сопротивление с её стороны. Это было так удивительно, что остановился в замешательстве и оглянулся на девушку. Она выдернула ладонь из моей руки, немного отошла от меня. Воззрилась так будто впервые видит, будто я незнакомец. Я даже усмехнулся, но тут же стал серьезным. Её взгляд напугал меня. Он вдруг стал жёстким, горящим каким-то диковатым огнём, а губы Юленьки расплылись в злой, не свойственной ей улыбке.

– Юленька, – позвал я и попытался дотронуться до её руки, но она отскочила от меня сначала, а потом вдруг закричала так, что уши захотелось заткнуть. Краем зрения я увидел как в её руке блеснуло что-то, как направила это что-то в мою сторону. Я смог увернуться, но поскользнулся на влажной траве и упал ничком. Перевернулся на спину и смотрел как девушка приближается ко мне с ножом в руке, а на губах её блуждает жадная, сумасшедшая улыбка. «Она жаждет моей смерти», – подумал я в тот момент. Кто она? Эта незнакомка, что почти в упор смотрит на меня.

– Кто ты? – с хрипом спросила Юля или та, что жила у неё внутри. Её второе я? Или как это ещё называется. Раздвоение личности? Что-то подсказывало мне: я прав. – Зачем потревожил меня? Я убью тебя сейчас за это. Ты не дал мне умереть спокойно, значит умрёшь вместе со мной.

Моя душа наполнилась смятением, сердце неверием, а руки дрожали от страха. Я впервые боялся женщину. Если бы вы видели её совершенно дикий, злобный взгляд, вы поняли бы меня, я уверен. Она не казалась мне больше милой, невинной девушкой, она была злом воплоти. Что с ней случилось и почему она так переменялась, я не понимал, я был абсолютно сбит с толку. Она хотела убить себя? Вот зачем ей нож? Но почему она хочет расстаться с жизнью?

– Юленька, – прошептал я. – Ведь это я, Алексей, ты не узнаешь меня? Я люблю тебя, ты любишь меня. Мы с тобой хотели убежать и жить вместе.

Она замерла, подняв руку с ножом выше. Смотрела недоверчиво. Я вглядывался всё внимательнее в эти большие голубые глаза, горевшие в полутьме сада, и понимал: сейчас там нет кроткого, нежного создания, которое так полюбилось мне. Это женщина совсем не та Юленька, которая запала мне в сердце. Эта убьёт меня и себя, даже не осознав, что совершает. Я попятился назад, но наткнулся на ствол рябины, посмотрел вверх. Потом снова на Юлю. Она приближалась. Глаза расширены, рот искривлен в злобном оскале. Я попытался прыгнуть в сторону, и в этот момент она кинулась на меня, рассекая воздух ножом и норовя попасть мне в шею или грудь. Я перехватывал её руки, отталкивал, хотел даже ударить, но у меня мало что получалось: словно вместе с безумием девушка обрела силу.

Мы боролись, перекатывались по траве, я уворачивался как мог от острого лезвия ножа. У меня не было и шанса её ударить, лишит сознания. Юленька оказалась очень проворной, юркой и быстрой. Один раз она попала лезвием мне по рукаву. Я удивился с какой силой она опустила нож. Он рассек ткань рубашки и пиджака и порезал кожу до крови. Юленька вскрикнула, победно улыбнувшись.

– Я убью тебя, а потом себя. Тебя, потом себя. Себя! Я убью себя!

Она как заведённая повторяла одно и то же, не останавливая свои движения. Мне удалось перекатиться немного в сторону и нож попал в землю, а не под мои ребра. Она изловчилась и прыгнула на меня, села сверху. Мне вдруг вспомнился старый фильм, снятый по роману Гоголя, который я смотрел однажды, будучи ещё маленьким. Юленька будто ведьма оседлала меня. Нечто похожее было и в фильме. Я не помню как он назывался. Сейчас всё происходящее

казалось мне абсурдным, нереальным, будто кошмар, от которого я никак не могу проснуться. Вот и фильм тот оставил то же впечатление кошмара у маленького ребёнка.

Лезвие полоснуло мне по щеке. А затем прижалось к горлу. «Мне конец», – подумал я. Я уже чувствовал как лезвие рассекает кожу на моем горле. Юленька нависла надо мной. Волосы её растрепались, довольный оскал на её лице сказал, что она выйдет победителем из этой схватки. А безумный теперь блеск её глаз заставил содрогнуться. Ещё пара секунд, и я умру. Прощай, Юленька. Прощай, милая, я запомню тебя нежной и любящей...

Я закрыл глаза, ощущая почти эйфорию. Чувство покоя наполнило тело, а душа теперь находилась в гармонии со всем окружающим. Всё кончено.

Внезапно я почувствовал лёгкость. Я думал, что уже умер, но голос Анистова рядом с моим ухом сказал о том, что это не так. Я жив. И как оказалось, почти здоров. Анистов и Ада вовремя прибежали на крики Юленьки и успели оттеснить её, прежде чем она закончит со мной, а потом доберется и до себя. Я слышал как кричит Юля, я видел как она сопротивляется конюху и горничной, пока они волокут её под руки в дом. Я не узнавал эту девушку. Это была не моя Юленька. Это была сумасшедшая женщина.

– Прости меня, друг мой, я должен был сразу рассказать тебе. Тем более, когда понял, что между вами чувства. Я был глуп, думая, что смогу скрыть. Знаю, тебе нужны ответы. Ты их получишь. Мне нужно успокоить племянницу, но через полчаса я приду в кабинет и мы поговорим. Ада, забери сумку Юленьки. Отнеси пока к нам в спальню.

Ада молча повиновалась. Она прятала взгляд, но прежде чем уйти из сада всё же взглянула на меня. Я увидел торжествующую улыбку на её губах.

Анистов помог мне подняться. Я взял свою дорожную сумку. Мне было немного даже стыдно перед Сергеем. Ведь он сразу понял, что тут произошло. Он понял, что я пытался забрать его племянницу. Но не тут то было. Да, он прав, мне нужны ответы. Нужно объяснение тому, что сегодня здесь произошло.

– Хорошо, через полчаса.

– Отправляйся туда, выпей коньяку, тебе это нужно. Закури. Я скоро.

Анистов ушёл. Я ещё немного постоял на дорожке, осматривая себя и свои маленькие раны. Самая большая из них была в моём сердце, а ведь я совершенно этого не ожидал.

Сергей Анистов был прав: выпить мне и правда необходимо.

Глава 8

В моей жизни был случай, когда я столкнулся с душевнобольным человеком. Это произошло лет восемь назад. Я был ещё совсем молодым, насмешливым (впрочем насмешливость моя никуда не делась с годами, но при встрече с Юленькой начала таять), презирал людей, которые отличались от обычных... Жизнь забросила меня как-то в одну деревню под Екатеринбургом. Домов там было не много, соответственно и людей тоже. Я остановился там на ночь.

У женщины, в доме которой я ночевал, было два сына. Один нормальный, обычный, другой – больной. Психологическое расстройство. Оно выражалось в том, что он громко кричал время от времени, потом вдруг замолкал и мог до часа, уставившись на один предмет, неподвижно сидеть. Потом он смеялся и показывал на тебя пальцем. Так вот ночью, когда я мирно спал в своей постели, он прокрался в мою комнату и лёг рядом. Я испугался, проснувшись от того, что почувствовал: в комнате, на кровати я не один. Я нечаянно дернулся, он вскочил. Встал у кровати и долго смотрел на меня. Потом засмеялся и убежал. Парнишке было одиннадцать лет. Мать его извинилась на следующий день. Ребёнок был безобиден. Он не причинил никому плохого. Но он был не такой как все.

Юленька, как оказалось, тоже.

Я курил уже третью сигарету и налил вторую рюмку коньяка, когда Анистов вошёл в кабинет, где я минут сорок ожидал его.

Вид у моего друга был хмурым. Он сел за стол, налил рюмку и выпил.

Я ждал, когда он начнёт говорить, но сам не сказал и слова. Дал ему время собраться с мыслями. Кабинет утопал в дыму. Я встал и открыл окно. Ночная прохлада остудила моё разгоряченное всем произошедшим лицо.

– Она ранила тебя, Лёш, – Сергей показал на окровавленный рукав моего пиджака.

– Ерунда. Кровь не идёт, – отмахнулся я и опустил обратно на стул.

– Юленька больна. У неё сильное психическое расстройство, которое усиливается с каждым разом.

– Почему же она мне не сказала?

Глупый вопрос. Кто хочет признаваться, что он другой. Что ненормальный. А что норма в наше время?

– Она не помнит приступов. Каждый раз. Это началось у неё после смерти родителей. Сначала была депрессия: она пыталась покончить с собой от горя. Её забрали в клинику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.